

Василий Головачев
Исход зверя
Серия «Евангелие от зверя», книга 2

текст предоставлен издательством ЭКСМО
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126350
Исход Зверя: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-00837-3

Аннотация

Зло нельзя уничтожить. Но это не значит, что с ним не нужно бороться. Два Витязя, два мастера боя, два отличных парня – Антон Громов и Илья Пашин – уже однажды попытались разыскать храм Морока и уничтожить Врата, через которые зло проникало в наш мир. Они чуть не погибли и почти победили. Но только почти... Теперь пришло время, нового боя. Самого трудного.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	19
Глава 6	27
Глава 7	35
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Василий Головачев

Исход

Глава 1

Шабаш Врат

Ветер стих, и островом завладела тревожная противоестественная тишина. Лес замер, словно прислушиваясь к ней и вглядываясь в поляну с поваленными и давно высохшими деревьями, как один лежащими вершинами к центру. Полная луна вышла из-за туч, высеребрила мрачный пейзаж, не избалованный разнообразием красок даже днем. Теперь же в его палитре присутствовали всего два цвета – черный и призрачно-желтый.

Однако тишина длилась недолго.

В протоке, отделяющей небольшой озерный остров от материка, появилась вереница лодок, послышался скрип уключин, журчание воды, плеск. Лодки пристали к пологому песчаному берегу, из них начали выпрыгивать люди в черных плащах с остроконечными капюшонами. Их было много, не менее полусотни, и каждый нес в руке крест со странным образом загнутыми концами. Затем из лодок выгрузили на берег два мешка. Один положили на носилки, и четверо мужчин в черном взяли за ручки. Судя по их усилиям, мешок был очень тяжел. Второй мешок взвалил на плечи последний из прибывших и понес за остальными, направившимися к поляне в лесу, упавшие деревья на которой образовывали своеобразную многолучевую звезду.

Прибывшие окружили центр поляны – черную плешь с невысоким бугром. Они сняли с носилок мешок, вынули из него содержимое – плоскую каменную плиту поперечником в метр и толщиной в три десятка сантиметров – и водрузили на вершину бугра, создавая нечто похожее на алтарь. Плита была темной, при дневном свете скорее всего буро-коричневой, цвета запекшейся крови, с высеченным на ней изображением какого-то апокалиптического лика.

Носилки унесли. Монахи взяли за кресты с изогнутыми концами, подняли их над головой. В лунном свете стали видны выбитые на верхних концах крестов пятиконечные звезды, самый длинный луч которых смотрел вниз.

Последний монах принес мешок с шевелившимся внутри живым существом, развязал и вытряхнул на землю козла с длинными витыми рогами. Козел ударился о камень, вскочил, очумело затряс головой и заблеял.

К алтарю приблизился высокий горбатый монах, вытянул к каменной плите свой крест и заговорил на неизвестном языке, слова которого состояли почти из одних согласных. Звезды на крестах налились мрачным багровым свечением. Воздух всколыхнулся, поднялся ветер. Горбатый предводитель церемонии прокричал еще несколько трещащих слов, хлестнувших пространство поляны. Откуда-то снизу, из недр острова, послышался тяжкий рокошующий гул. Вокруг недрогнувшей цепи черных монахов завывало и загрохотало. С небес сорвалась яркая зеленая молния, вонзилась в каменную плиту, которая на несколько мгновений засветилась изнутри призрачным зеленоватым светом.

В тот же миг монах, принесший козла, ножом вспорол ему горло, схватил за ноги и перевернул вниз головой, так что струя крови брызнула на камень. Зашипело. Раздался громовой удар. Снизу, из-под плиты, вырвался сноп фиолетово-зеленых молний, пронзил камень, ставший прозрачным, как стеклянная глыба. Голова демона, высеченная на нем, приобрела объем, как бы высунулась из плиты, выросла над поляной, доставая макушкой

вершин деревьев, ожила. Однако глаза демона остались пустыми, мертвыми, и голова полудракона-получеловека, повернувшись пару раз в разные стороны, втянулась обратно в почерневший, словно обуглившийся камень. Раздался еще один удар, грохот, гул. Земля задрожала. Вершинами к центру поляны упало еще несколько деревьев. Казалось, сейчас разверзнется бездна и поглотит все и вся: монахов, деревья, алтарь, главного колдуна.

Но через некоторое время грохот прекратился, а ветер стих. Концы крестов перестали светиться. Монахи молча спрятали их в складках плащей, потянулись назад, к лодкам. Четверо обернули погасший, дурно пахнущий камень в черную ткань, уложили на носилки и с трудом понесли к берегу. Впечатление складывалось такое, что плита резко потяжелела.

В центре поляны остался только один горбатый монах, согнувшийся под тяжестью неудачи, опиравшийся обеими руками на суковатый посох. Мерзкий запах – все, что осталось от убитого и сожженного черной энергией козла, – его, казалось, вовсе не беспокоил.

– Ритуал устарел, – глухо пробормотал он. – Модуль сгорел и не откроется... Да придет Тот, чье имя будет произнесено!

Из бугра в центре поляны с визгом вынеслась в небо длинная фиолетовая искра, расплылась дымной светящейся струей, погасла.

Горбатый монах не пошевелился, глядя куда-то сквозь землю как зачарованный. Потом прошептал какое-то каркающе-свистящее слово и побрел с поляны в лес. В лодку он сел последним. Заработали весла, лодки направились по протоке к озеру, скрылись за стеной тростника. Некоторое время был слышен скрип уключин и плеск воды. Стих.

Луна высветила серебристо сверкнувшую в воздухе птицу, парящую над островом. Это был гигантский альбатрос. Покружив над поляной, где состоялась таинственная мистерия, он взял курс на юг, затерялся в небе, исчез.

Вернувшись в свою скромную келью, запрятанную в недрах храма Морока и недоступную не только простым смертным, но и мало кому из посвященных магов, горбатый устроитель черной мессы, которого звали Хрисанфом или чаще Хрисом, сбросил плащ-сутану и остался в черном кафтане с атласными отворотами и обшлагами, украшенными вязью геометрических фигур, которая была видна только при определенном угле зрения. Походив из угла в угол неуютного тесного помещения с единственным стулом и кроватью у стены, он вышел из кельи и направился по коридору нижнего уровня в ту часть храма, где располагались покои верховной жрицы Пелагеи, сожранной год назад Древним. Ее пост до сих пор оставался незанятым, так как не находилось достойной преемницы.

Пройдя первую и вторую кельи, соответствующие двум уровням бытия: отшельнически покаянному, монашескому – для работы с послушницами и жрицами храма, и уровню гостихи, уровню общения с теми, кого желала лицезреть Пелагея, Хрис сотворил заклинание и вошел в третью келью, келью *сброса* эмоций. В этой комнате, больше напоминающей номер люкс в пятизвездочном отеле, верховная жрица отдыхала и занималась плотскими утехами.

Оглядев келью, Хрис открыл неприметную дверцу в стене за громадной кроватью жрицы, понюхал воздух и закрыл дверцу. Она вела в комнату Ю, где хранился когда-то запас юаньшэньши – *дыхания* Морока, его мистической энергии. Однако запас юаньшэньши Пелагеи давно закончился, и подзарядиться энергией Господина было уже невозможно.

Вздыхнув, Хрис открыл дверцу упрятанного в другую стену бара и долго копался в его содержимом, пытаясь отыскать сосуд с ниргуной. Не нашел, плюнул в сердцах, достал бутылку темно-коричневого стекла и сделал из горлышка бутылки большой глоток. Замер, закатив глаза, шумно выдохнул, прослезился. Сделал еще один глоток, поменьше, и поставил бутылку обратно.

– Старая стерва! – выговорил он сквозь зубы. – Это же чистый стрихнин, а не ром!

Подойдя к кровати, маг храма представил лежащую на ней восемнадцатилетнюю красавицу, в которую могла превращаться верховная жрица. Глаза его на несколько секунд стали масляными. Он потрогал роскошное стеганое атласное покрывало, присел на край ложа, и в этот момент что-то произошло.

Воздух кельи наполнился невидимым темным светом и жизнью. Стены комнаты вздрогнули. Кровать шатнуло. И тотчас же вычурно-зализанный «трон» домашнего видеотеатра в углу кельи вздохнул, как живой, стал зыбким, текучим, меняющим очертания и объем. Двухметровый экран его засветился синим накалом, выпятился, превратился в бельмо жуткого глаза.

Хрис вскочил и тут же сел обратно на кровать на ослабевших ногах.

– Господин!..

В костях черепа мага раздался скрипящий холодно-равнодушный *голос*:

– Ты не открыл Врата!

– Да, Господин, – склонил голову вспотевший маг. – Модуль выхода был обработан с и л о й противоположного знака и закрылся. Я не в состоянии его разблокировать. Не хватает *власти*. Нужна ниргуна. Необходима верховная жрица, имеющая выход на эгрегор творительниц. Нужны послушницы, готовые стать Вашими проводницами.

– Дай мне связь с Черным Веем. Я не слышу его.

– Черный Вей... *ушел*... его нейтрализовал волхв Евстигней.

Телевизор разгневался.

– Почему ты не помешал этому?!

– Агент Черного Вея по особым поручениям Безымень отвлек меня. Он переметнулся на сторону волхвов. Пока я возился с ним, Черный Вей...

– Мне нужен другой чемор! Эмиссар!

– Могу предложить кандидатуру...

– Ты стар и слаб!

– Д-да, Господин, – заикнулся Хрис, действительно собираясь предложить себя. – У меня собрано досье на всех чиновников и олигархов Руси. Есть отличные экземпляры. Например, глава энергетической компании. Или мэр стольного града.

– Нужны люди с властью, но *тихие*.

– Понимаю, «серые кардиналы». Есть и такие. К примеру, глава администрации президента Калошин. Замминистра МВД. Некоторые руководители депутатских фракций Госдумы. Люди, связанные с бизнесом и криминалом. К примеру, председатель Госкомимущества, вице-премьер, министр экономического развития и торговли, генсек Национального олимпийского комитета, заместитель гендиректора ВВЦ и другие. Всего около ста фамилий.

– Твои рекомендации?

– Э-э-э...

– Только не ошибись! Ты и так наделал ошибок, как и Пелагея, и Черный Вей. Вы почти провалили *дело*! Еще одна ошибка, и...

Голову Хриса пронзил укол дикой боли. Однако он удержался от крика, только согнулся, покрылся испариной, закрыл глаза, не выдерживая черного *взгляда* ожившего телевизора, в который вселилась «пси-проекция» Морока. Слуга Чернобога все еще бродил по Земле в поисках «сверхудовольствий», не имея возможности вернуться в свой адский мир через свернутые Врата.

– Я понял, Господин.

– Почему ты медлишь с выбором Привратницы?

– Нет достойных кандидатур, Господин. Нужна доброволица...

– Найди!

– Ищу, Господин, – согнулся в поклоне маг. – Есть одна на примете, руководительница секты «Лилит» в Санкт-Петербурге, колдунья четвертого уровня Посвящения. Ее поддерживает Черное Братство. Называют ее Черной Графиней Евангелиной, мирское имя – Марина. Сорок лет. Богата, имеет собственный остров недалеко от Флориды, исключительно хороша.

– Сходи к ней, предложи пост верховной жрицы.

– Боюсь, Черная Графиня не согласится. Она и так имеет все, что пожелает.

– Предложи, там посмотрим.

– Слушаюсь, Господин. – Хрис ослабел, чувствуя плывущий в ушах звон, но не решаясь прервать беседу, отнимающую много энергии.

– И воссоздай мне Врата! Пора возвращаться. Неуютно мне тут у вас, скучно, нет достойных соперников.

– Я пытался три раза...

– А не пора ли на покой, колдун? Чтобы добиться максимального духовного воздействия на модуль, черной с и л ы недостаточно, необходима Жертва. Не жертва вроде козла или кошки, и даже не жизнь мученика или мученицы – этого мало. Нужна гекатомба! Только гибель множества чистых невинных юниц способна возродить Врата! Начинай собирать гарем.

– Слушаюсь, Господин. У меня есть сведения, что волхв Евстигней, владеющий древними манускриптами *повелевания*, работал над составлением рун Свентовита, чтобы вызвать своего белого бога.

– Белобогу сейчас не до разборок с земными проблемами.

– Тем не менее, если мы найдем рунный гримуар, это поможет нам восстановить модуль входа.

– Так ищи!

– Уже ищу. Но мне нужна помощь... и защита. Волхвы еще имеют *силу* и способны помешать.

– Помощники будут. Я выберу тех, кого ты предложил, они вскоре свяжутся с тобой. Что касается защиты – разве Ягья не охраняет храм? Разве не с его помощью ты спрятал храм в невидь?

– Ягья перестал откликаться. Он проглотил Пелагею и, похоже, подчиняется остаткам ее личности. Уже дважды он самовольно выходил за пределы храма, что грозит утечкой информации.

– Я успокою его, хотя это уже не имеет большого значения. Возможно, ты получишь другого хха. Жди. *Ислужи!*

– Да, Господин.

Хрис привстал, кланяясь «живому» телевизору. Экран телесистемы налился багровым свечением и плюнул в него сгустком алого тумана. Маг отшатнулся, упал на кровать и на некоторое время потерял способность видеть, слышать и думать. Когда он очнулся, телевизор уже «не дышал», возвратившись к прежнему состоянию электронного агрегата. Черная душа Морока покинула его.

Чувствуя возбуждение и непривычный прилив сил, маг пошевелил членами, встал, подпрыгнул, едва не достав макушкой сводчатого потолка кельи. Засмеялся от неожиданности, ощущая горячий ток крови и силы по жилам. «Тень» Морока одарила его порцией юаньшэньши, и он сразу сбросил с плеч полтора столетия. Исчезли мешки под глазами, морщины, кожа на лице перестала казаться пергаментной, глаза засияли, наполненные энергией. Из глубокого двухсотлетнего старика Хрисанф превратился в пятидесятилетнего мужчину, вполне способного понравиться женщине.

– Благодарю, Господин! – Маг низко поклонился телевизору. – Я отслужу.

Он взял колокольчик на стеклянном столике в углу кельи и позвонил.

Открылась неприметная дверь, в келье возник угрюмого вида мужик, заросший волосом до бровей, одетый во все черное. Бывший сотник, предводитель хха, доверенное лицо верховной жрицы Потап Лиховский. Он был мертв, когда его нашел Хрис, и после процедуры воскрешения стал навьем, воином-зомби, а также слугой мага.

– Приведи мне послушницу, – приказал Хрис. – Из новеньких.

Мужик молча повернулся, не удивляясь преобразению хозяина, исчез.

Хрис потер руки, чувствуя сладостное возбуждение...

Глава 2

Индикатор системы

Всеволод Марьевич Калошин производил впечатление тихой канцелярской крысы и в жизни ни на кого никогда не повысил голос. Он как никто другой умел слушать собеседника и молчать с умным видом, что, естественно, способствовало его продвижению по служебной лестнице. Невысокий, не плечистый, но жилистый, он ходил бесшумно и упруго, что говорило о его неплохой спортивной подготовке, хотя он никогда не демонстрировал свои физические возможности и навыки.

Красавцем он не был: голова огурцом, с обширной лысиной – плешь у Всеволода Марьевича появилась еще в двадцать лет, – реденькая бородка, бледные впалые щеки, бесцветные глаза, манера никогда не смотреть прямо на собеседника – все это, конечно же, не красило Калошина, поэтому тем более удивительным казался тот факт, что жена у начальника аппарата президента России была красавицей. Каким образом ему, пятидесятилетнему тихоне, удалось произвести впечатление на двадцатилетнюю топ-модель идашкинского Дома моды, оставалось тайной для всех, кто его знал.

Родился Всеволод Марьевич Калошин в тысяча девятьсот пятьдесят втором году в городе Красногорске Московской области. В тысяча девятьсот семьдесят пятом окончил Калининградское высшее военно-инженерное училище, в семьдесят девятом – Всесоюзный заочный инженерно-строительный институт. Работал в Институте космических исследований, занимал руководящие посты в объединении «Мосинжремонт». В тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году ушел сначала на комсомольскую, а потом на партийную работу. Был замечен партийными кадровиками ЦК и встроен в бюрократическую *систему* как один из перспективных проводников линии партии. Работал в администрации Горбачева, потом Ельцина. Возглавил Фонд экономических и социальных реформ, но потом снял с себя полномочия распорядителя Фонда, хотя и остался в совете директоров. В начале двадцать первого столетия он был назначен главой администрации президента.

В принципе, в карьере Всеволода Марьевича, как и у других подобных ему чиновников госаппарата, не было ничего, поражающего воображение. Будучи винтиками скрытой *системы* управления государством, такие люди никогда прямо не выражают своего мнения, ни с кем не спорят, не повышают голос, не конфликтуют, но *всегда* добиваются своего. Отличие Калошина от коллег крылось в том, что он был не простым винтиком существующей реальной системы власти, а «индикатором», высвечивающим пожелания властных структур. Ему удалось поработать с тремя президентами страны, и одно это говорило о многом. О том, к примеру, что реальная власть в стране принадлежит не президенту и парламенту, а мощной финансовой группировке, всегда остающейся в тени.

И вдруг что-то произошло. Всеволод Марьевич Калошин изменился. С президентом он по-прежнему вел себя тише воды ниже травы, но с подчиненными заговорил высокомерно, грубо, пренебрежительно и в полный голос. Буквально за месяц, с середины мая по середину июня, он подмял под себя все кремлевские чиновничьи структуры и стал полновластным *хозяином* Кремля, решая такие вопросы, которые раньше были только в компетенции президента.

Впрочем, его лично это не смущало. Он *знал*, что делает и ради чего все делает, ибо добровольно стал Черным Веом, эмиссаром Морока, не ошибавшегося в таких людях.

Восемнадцатого июня Всеволод Марьевич принял в своем рабочем кабинете, расположенном на втором этаже Дома Советов – здания администрации на территории Кремля, молодого черноволосого мужчину «кавказской» наружности. Этим мужчиной был Халил

Магомедович Савагов, заместитель генерального директора ВВЦ. Разговор двух *проводников* воли Морока был недолгим и проходил без свидетелей.

– Долго возитесь, уважаемый, – сказал Калошин, не приглашая посетителя сесть; на него он по обыкновению не смотрел. – Где грамоты Евстигнея?

– Ищем, – пожал плечами Савагов.

– Долго ищите. Неужели так сложно найти всех, кто был связан с волхвом, допросить и выяснить, кому он передал грамоты и рунный володарь?

– Двоих мы уже нашли, они ничего не знают. Осталось еще четверо. Процесс поисков займет не больше недели.

– Даю три дня. Найдите всех причастных к нейтрализации Врат и уничтожьте! Но прежде отыщите володарь!

– Я делаю все от меня зависящее, но... мне мешают...

– Так уберите всех мешающих! Чего вам не хватает?

– Финансирования... и людей.

– Люди будут, деньги тоже. У нас мало времени. Хозяин долго ждать не будет, и если мы оплошаем...

– Я все сделаю, – кивнул Савагов, вытирая вспотевший лоб платком. – Мне бы хотелось в первую очередь убрать директора...

– Это ваши проблемы. Но сделайте это не топорно, а с переносом вины, подставьте кого-нибудь. Хорошо бы сделать так, чтобы он сам ушел с поста директора. Прямая ликвидация нам пока не выгодна. Уровень этого человека довольно высок, и у него есть союзники, которые вполне способны раздуть дело. Придумайте что-нибудь.

– Слушаюсь, Всеволод Марьевич.

– Теперь о ритуальном *материале*. Сколько девиц вы уже отловили?

– Двадцать пять.

– Мало, нужно не менее пятидесяти. Хозяину необходим *взрыв* страстей, а не плач нескольких жертв. Набирайте еще. Но не на ВВЦ. Вы уже порядком наследили там, встревожили милицию, а если к исчезновению девок подключится ФСБ, скандала не миновать, и дело сорвется. Ищите в глубинке, Россия велика, красивых целок в ней много.

– Я подготовил одну беспроектную комбинацию, – торопливо проговорил Савагов. – Кастинг. Под видом отбора девушек для съемок фильма на ВВЦ найти еще непробованных и...

– Ни в коем случае! Это сразу насторожит спецслужбы.

– Мы не будем хватать девиц на территории ВВЦ. Выясним адреса...

Калошин хмыкнул, кинул острый взгляд на собеседника, пригладил лысину.

– Хорошо, действуйте. Но в первую очередь займитесь окружением волхва. Гримуары Евстигнея должны быть у меня!

– Слушаюсь!

– Свяжись с Хрисом, подключи его к операции. Колдун уже почти отжил свое, но еще послужит маленько... до ухода Господина. А потом мы его уберем. Пусть только переправит девиц в храм.

– Слушаюсь. Да придет Тот, чье имя будет произнесено!

– Иди.

Савагов с лицом, блестящим от пота, поклонился и вышел из кабинета Калошина. Хозяин кабинета посмотрел ему вслед и проговорил бесцветным голосом:

– Если уж и этот не справится...

Зазвонил красный безномерной телефон.

Всеволод Марьевич снял трубку, и взгляд его изменился, стал подобострастно-рабочим: звонил президент.

Глава 3

Дай мне то, не знаю что

Раз в неделю, преимущественно по субботам, он ходил с приятелями в сауну на Ленинградском шоссе, у Речного вокзала. С момента жутких и невероятных с обывательской точки зрения событий на озере Ильмень прошел год, подробности стали подзабываться, но страх все еще жил в душе инструктора по рукопашному бою Российской школы выживания Серафима Альбертовича Тымко, пережившего встречу со слугами демона Морока и чудом оставшегося в живых. О том, что произошло на озере, он не рассказывал никому, понимая, что ему никто не поверит. А также помня уговор с теми, кто был с ним у стен чудовищного храма Морока.

Пути их разошлись.

Антон Громов женился на Валерии Гнедич и подался в какое-то частное охранное агентство.

Илья Пашин сложил с себя полномочия президента Российской школы выживания, женился на юной Владиславе, которую спас от монахов храма, и отправился с ней в очередную экспедицию на север страны. Вернувшись, он созвонился с Серафимом, поинтересовался здоровьем, спросил – не *беспокоят ли?* Тымко понял, ответил: все тихо. Пашин пожелал ему удачи и снова убыл в экспедицию. Куда именно – не сообщил.

Таким образом Тымко, закончивший Днепропетровский институт физкультуры, поучаствовавший в войнах в Афганистане и в Чечне, сменивший множество профессий, а потом устроившийся в Школу выживания инструктором по «барсу»¹, остался один.

Правда, это обстоятельство его не особенно беспокоило. Могучий телом, сильный, с покатыми плечами борца, способного свалить быка ударом кулака, бородатый Тымко никого не боялся, дружбу ни с кем не заводил, будучи индивидуалистом, и был уверен, что ведет единственно правильный образ жизни. То, что знакомые женщины не торопятся выйти за него замуж, Серафима не волновало. Он считал, что еще слишком молод для семейной жизни, хотя пошел ему уже сорок второй год.

В субботу двадцать второго июня он отправился в сауну вместе с Николаем Кудрявцевым, также инструктором Школы, но – по экстремальным ситуациям. Николай был на десять лет моложе Серафима, но выглядел старше и походил на родного брата Тымко, такой же кряжистый, здоровый и волосатый, разве что менее шумный.

В двенадцать часов дня они уже сидели в парилке, обливаясь потом, рассказывали анекдоты и ржали. Потом купались в бассейне и ели шашлыки, запивая их пивом. В два часа приехали знакомые девочки, и началось настоящее веселье с общим подогревом – в прямом и переносном смысле – и купанием. Длилось это веселье до шести часов вечера, пока окосевший Николай не вспомнил, что его ждут дома родственники. Через полчаса он уехал, пребывая в блаженном состоянии уставшего лесоруба.

Тымко позанимался с оставшимися девочками кое-какими физическими упражнениями, отправил их обеих, порывающихся продолжить вечер где-нибудь в других местах отдыха, и с час блаженствовал в джакузи, отходя от нагрузки и жары в парилке. Поплавал, с удовольствием съел еще один шашлык, хотел было пойти собираться домой, как вдруг обнаружил, что он в зале с бассейном не один. У бортика бассейна стояли и молча наблюдали за ним двое мужчин: высокий, хотя и горбатый, в черном плаще, напоминающем монашескую рясу, и пониже ростом, но плечистей, в черной рубашке, безрукавке и штанах без складки. Оба

¹ «Барс» – боевая армейская система рукопашного боя.

носили бороды и усы, но горбатый был седой, а у его кряжистого спутника волосы были черные как смоль, без единого седого волоска. Кроме того, у горбатого висел на груди странный крест из тусклого желтоватого металла в форме недокрученной свастики.

– Какого хрена вам надо? – обрел дар речи Серафим, запахивая вокруг чресел простыню; он принял гостей за хозяев сауны.

– Он? – глухим насморчным голосом спросил горбатый.

– Он, – ответил черноволосый мужик в безрукавке. – Да придет Тот, чье имя будет произнесено!

– Веди допрос.

Серафим перевел взгляд с одного гостя на другого, нахмурился.

– Вы кто?

– Ходоки, – усмехнулся горбатый. – Пустишь погреться?

– А ну выкатывайтесь отсюда подобру-поздорову, пока я добрый!

Глаза горбатого вспыхнули, и Серафим отшатнулся, получив сильный удар по голове: не физический, а скорее физиологический. Сосуды сжались, перекрывая кровоток, в глазах потемнело. Тымко с изумлением глянул на монахов, помассировал затылок, пытаясь восстановить кровообращение.

– Вот сволочь! Да я же вас...

– Погодь грозить, паря, – пробасил черноволосый. – Напрасное это занятие. Мы знаем, что ты был знаком с дедом Евстигнеем из деревни Парфино, что на Ильмене-озере расположена. Посему у нас к тебе есть два вопроса.

– Да пошли вы со своими вопросами! – рассвирепел Серафим, справляясь с головокружением, и двинулся на пришельцев, разворачивая плечи. – Ну-ка валите от...

Глаза горбатого монаха снова полыхнули черным огнем, и Тымко замолк, словно в рот ему забили кляп, схватился за горло, осел на пол на враз ослабевших ногах. Просипел:

– Вот с-сволочи!..

– Вопрос первый, – продолжал равнодушным голосом черноволосый мужик. – Куда Евстигней подевал свои книги: Волхварь, Скобарь и другие?

– Не знаю, – огрызнулся Серафим. – Я у него в гостях не бывал. Спросите лучше у...

– Спросим, – кивнул здоровяк. – Спросим и у Пашина, и у его дружков. Значит, о книгах ты ничего не знаешь.

– Даже не слышал, что они у него имеются.

– Допустим. Вопрос второй: твой друг Илья Пашин не говорил тебе о тетраграмматоне?

– О чем? – вытаращил глаза Серафим, с трудом поднимаясь с пола.

– Евстигней занимался подбором и сшивкой рун, символов, чтобы составить Имя своего Бога. Он его составил и кому-то передал. Кому? Не Пашину ли?

– А я почему знаю? У Пашина и спрашивайте. Только ничего такого я не слышал. Илья никогда со мной на эту тему не говорил. Траграммон... Чушь какая-то!

Гости переглянулись.

– Может, я *открою* его? – предложил черноволосый. – Он выложит все, что знает.

– Ничего он не знает, – вздохнул горбатый монах. – Они ему не доверяли свои секреты.

Ищи остальных из команды Пашина и его самого.

– Слушаюсь, хозяин. А с этим что делать?

– Он мне не нужен. – Горбатый повернулся спиной к Тымко, направился к стене зала с бассейном, а не к двери. Его рука вошла в стену как в бесплотный слой тумана.

– Ах вы паразиты! – Серафим с воплем прыгнул к мужику, нанес ему мощный удар ногой... и не попал! Промахнулся! Проскочил по инерции два шага и свалился в бассейн.

Горбатый оглянулся, бросил на барахтавшегося в воде инструктора страшный черный взгляд, и Серафим вдруг перестал колотить руками по воде, пошел ко дну, вытаращив глаза. Горбатый колдун вошел в стену, за ним тем же манером исчез его кряжистый спутник.

В зал через несколько секунд ворвались чернявый охранник и служительница сауны, услышав вопль своего клиента, оторопело уставились на бассейн глубиной всего в полтора метра, не понимая, что происходит. Затем бросились вытаскивать клиента из воды. Но было поздно. Тымко уже не дышал, и откачать его спасители не смогли.

Глава 4

Есть такая проблема

Всероссийский выставочный центр (ВВЦ) в Москве был основан первого августа тысяча девятьсот тридцать девятого года как Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. В тысяча девятьсот пятьдесят девятом году ВСХВ стала называться ВДНХ – выставкой достижений народного хозяйства. Всероссийским выставочным центром ВДНХ стала уже после распада СССР, в тысяча девятьсот девяносто шестом году.

Площадь территории ВВЦ насчитывает свыше двухсот сорока гектаров, на которых размещены шестьдесят восемь выставочных павильонов. Кроме того, на территории находятся сорок шесть памятников истории и культуры, а также открытые выставочные площадки, теплицы и пасека.

Бюджетная эффективность всего комплекса Государственного акционерного общества ВВЦ «зашкаливает» за три-четыре миллиарда рублей, что не может не волновать чиновников всех уровней, желающих «порулить» столь высокодоходной организацией.

Структура ГАО ВВЦ такова.

Его учредителями являются Российская Федерация в лице Мингосимущества и город Москва в лице Комитета по управлению имуществом. Стратегическими органами управления являются: попечительский совет, общее собрание акционеров, совет директоров, ревизионная комиссия. Тактические органы управления: гендиректор, правление, заместители генерального директора, руководители структурных подразделений, дочерние хозяйственные общества.

Доля Мингосимущества РФ в капитале ВВЦ составляет более шестидесяти девяти процентов, доля Комитета по управлению – около тридцати процентов.

Генеральным директором ВВЦ к моменту описываемых событий являлся Виктор Михайлович Курыло.

Родился Виктор Михайлович в тысяча девятьсот сорок седьмом году в Донецке. Трудовую деятельность начинал после окончания Днепропетровского университета механиком на «Южмаше». Дошел до начальника технического отдела завода. Затем работал первым секретарем райкома комсомола, главным инженером «Южмаша», переехал в Нижний Новгород, стал работать на заводе «Точмаш», дошел до директора объединения. В начале девяностых годов двадцатого века был избран председателем районного Совета народных депутатов. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации, получил степень доктора технических наук и звание профессора. Имеет двадцать научных и методических трудов, награжден медалями за вклад в науку и управление государственной собственностью.

Проработав пять лет заместителем и вице-губернатором Нижегородской области, Виктор Михайлович перешел на работу в Госкомимущество России, стал его председателем, затем заместителем министра госимущества РФ. С тысяча девятьсот девяносто восьмого года он – генеральный директор ГАО ВВЦ, успешно развернувший деятельность этого выставочно-ярмарочного предприятия, крупнейшего в стране.

Одновременно с Виктором Михайловичем в структуре ВВЦ появился и заместитель гендиректора, молодой и амбициозный кандидат сельскохозяйственных наук Халил Магомедович Савагов, закончивший сперва медицинское училище по курсу акушер-гинеколог, а затем Российскую сельскохозяйственную академию. Несмотря на молодость – Савагову исполнилось тридцать четыре года, – он успел пройти горнило комсомольской работы – от заместителя секретаря райкома ВЛКСМ в Махачкале до секретаря ЦК ВЛКСМ Москвы, стал

исполнительным президентом Приватизационной комиссии, приобрел огромное количество н у ж н ы х связей и благодаря этому был назначен первым замом Виктора Михайловича.

Свою деятельность на посту заместителя Халил Савагов, высокий красавец-брюнет с тонкими усиками, черноволосый, черноглазый, гибкий, пользующийся огромным успехом у женщин, начал весьма активно, постепенно прибирая к рукам – ради «более рачительного использования» – структурные подразделения Центра и увеличивая площадь арендуемых угодий. Имея покровителей в чиновничьих структурах правительства Москвы и России, многие из которых тоже были выходцами с Кавказа, Савагов добился большого влияния на деятельность ВВЦ в целом и начал реорганизацию Центра, добиваясь единоличной власти.

Решение «О неотложных мерах по коренной реорганизации ВВЦ» было принято правительством Москвы еще в девяносто седьмом году, для чего была разработана целая программа преобразования Центра, которая и началась со сменой руководства ВВЦ. Однако Савагову этого было мало. Под видом того, что он печется о передаче государственного пакета акций, закрепленного за федеральной собственностью, в собственность Москвы – «для улучшения работы ВВЦ и увеличения коммерческой отдачи», Савагов начал атаку на гендиректора и его окружение. Масла в огонь подлило предложение правительства Москвы провести на ВВЦ в две тысячи десятом году универсальную выставку ЭКСПО-2010.

В две тысячи первом году правительство Москвы издало постановление «О мерах по продвижению кандидатуры Москвы в качестве организатора Всемирной универсальной выставки ЭКСПО-2010». В нем Главному управлению памятников города Москвы предписывалось представить обоснованные предложения о возможности исключения из числа памятников истории и культуры федерального значения все объекты на территории ВВЦ. Целью распоряжения являлось лишить Выставочный центр статуса объекта Федерации, увеличить долю правительства Москвы в его уставном капитале и прибрать ВВЦ к рукам с его финансовыми потоками и прибылью. Естественно, активное участие в этом процессе принял и Халил Савагов, усиленно лоббирующий продвижение своих друзей и знакомых в состав Комитета по выдвижению Москвы в качестве устроителя ЭКСПО-2010. Естественно также, что генеральный директор ВВЦ Виктор Михайлович Курыло, человек государственных масштабов и устремлений, сильно мешал Савагову в реализации его наполеоновских планов. Поэтому он начал сначала тихую – *бумажную* и наушническую, а потом и явную войну с ним, особенно после того, как Виктор Михайлович отказался наделить Савагова полномочиями гендиректора «в связи с новым направлением деятельности». В конце концов дело дошло до угроз физической расправы с гендиректором, о чем Виктор Михайлович по совету друзей официально сообщил в Управление ФСБ по Москве и Московской области.

Курыло вызвали в Управление и долго беседовали с ним, выясняя обстоятельства заявления. Чекисты тоже понимали, что сложная система земельно-имущественных отношений, наличие огромного количества торговых точек, широкий спектр выставочно-ярмарочных и культурно-массовых мероприятий, собирающих большое количество посетителей ВВЦ, привлекают к нему внимание многих криминальных структур. Но Выставочный центр до сих пор не входил в круг интересов ФСБ, и чекисты ничем не могли помочь генеральному директору, несмотря на подозрения, что Савагов принадлежит к так называемой дагестанской преступной группировке.

– Единственное, что мы можем сделать, – сказал ему на прощание начальник Управления генерал Пивоваров, – это издали аккуратно понаблюдать за ВВЦ. Вам же надо позаботиться о своей личной охране.

– Да есть у меня охрана – вневедомственная, – отмахнулся Виктор Михайлович.

– Это чепуха. Нужны профессионалы. В Москве достаточно частных охранных агентств, могу порекомендовать лучшее из них – БОКС. Там работают профи из бывшей «девятки» КГБ, они знают свое дело.

– БОКС – это...

– Бюро охраны коммерческих структур. Его начальник, Петр Петрович Васильев, мой друг, мы с ним в свое время хорошо... э-э... поработали в разных местах.

Виктор Михайлович с грустью кивнул. Он никогда не думал, что ему понадобятся телохранители, но дело поворачивалось таким образом, что надо было принимать предлагавшиеся условия игры. Появившиеся в последнее время у Савагова бронированный «Мерседес», джип сопровождения и круглосуточная охрана указывали на реальность угроз. Савагов боялся ответных акций гендиректора, и одно это уже говорило о его принадлежности к преступной группировке. Только главари таких организаций первым делом окружали себя «шестерочным» аппаратом и крутой охраной.

Однако и после разговора с главой УФСБ Виктор Михайлович не сразу решился привлечь к охране комплекса и себя лично частные охранные фирмы. Ему казалось стыдным прятаться за спины телохранителей и вообще чего-то бояться. Он не делал ничего дурного и радел за интересы страны и вверенного ему объекта, а не за личные интересы. Надо было работать, а не строить бастионы и ждать выстрела в спину.

В июне Савагов предложил привлечь к разработке концептуального проекта развития ВВЦ французскую фирму «Пари-Шато», якобы являющуюся мировым лидером выставочной индустрии. Виктор Михайлович не согласился, предложив привлечь отечественных дизайнеров и разработчиков. Взбешенный Савагов покинул совещание в кабинете гендиректора, посвященное возможному превращению ВВЦ в один из крупнейших выставочных комплексов мира. Но потом, когда оно закончилось и руководители подразделений разошлись по рабочим местам, Савагов вернулся в кабинет директора в сопровождении двух рослых телохранителей.

– Значит, вы принципиально отказываетесь передать мне полномочия для реструктуризации Центра? – осведомился он с характерным кавказским акцентом.

– Не вижу смысла, – сухо ответил Виктор Михайлович, досадуя, что отпустил второго заместителя, ближайшего друга и помощника. – Реконструкция комплекса – прерогатива гендиректора, а не его заместителей.

– Но в Комитет избран я, а не вы!

– Это не меняет существа дела. Предложенная вами схема управления проектом подготовки ЭКСПО представляется мне сомнительной. Да и не только мне, но и независимым экспертам. В расчетах эффективности проекта вы приняли явно заниженную ставку дисконтирования.

– Какое это имеет значение? – повысил голос Савагов. – Вы не сможете довести до конца начатую перестройку! Только я превращу ВВЦ в город-парк с неповторимой ландшафтной архитектурой! Уходите на пенсию, здоровее будете!

– Вы мне угрожаете? – нахмурился Виктор Михайлович.

– Вот именно! – рявкнул Савагов. – Не стойте у меня на пути! Это может плохо закончиться! Если через два дня вы...

В кабинет заглянул секретарь Курыло, обеспокоенный просочившимися сквозь двери криками.

– Проводи уважаемых гостей, Костя, – обратился к нему Виктор Михайлович. – Им надо отдохнуть и успокоиться. Предложи кофе и соки.

– Я т-тэбэ п-прэджоу! – выговорил Савагов, направляясь к выходу. – Т-ты у мэнэ з-запомньшь!..

Телохранитель плечом сбил секретаря с ног, вышел вслед за боссом, саданув дверью так, что она едва не слетела с петель.

– Что это с ним? – растерянно посмотрел на директора щуплый секретарь, держась за плечо. – Какая муха его укусила?

– Эта муха – жажда власти, – вздохнул Виктор Михайлович, переживая неуютное чувство обреченности. Зам не собирался уступать и явно шел на конфликт, чувствуя за спиной поддержку своего криминального клана. Надо было что-то предпринимать.

– Там женщина к вам на прием просится, – вспомнил секретарь, поднимаясь с пола.

– Зови, – кивнул Курыло, пытаясь настроиться на рабочий лад. Визит заместителя выбил его из колеи, работать не хотелось, хотелось бросить все и уехать куда глаза глядят.

Костя вышел. Через минуту в кабинет робко вошла миловидная женщина лет сорока, худенькая, сероглазая. Стиснув руками сумочку, она сделала вперед два шага и остановилась.

– Слушаю вас, – проговорил Виктор Михайлович. – Проходите, присаживайтесь.

Женщина помотала головой, судорожно вздохнула.

– Извините, что отрываю вас от дел. Но у меня... пропала дочь...

Курыло вздернул брови.

– Вы, наверное, ошиблись адресом. Вам следовало обратиться в милицию. Где пропала ваша дочь, когда?

– Здесь, на ВДНХ... то есть на ВВЦ... пошла с подружкой, у вас сейчас выставка художественных ремесел... и не вернулась... еще вчера. Я думала, она у подружки осталась, позвонила, а Лиля – так зовут ее подружку – тоже домой не пришла.

– Сколько же лет вашей дочке?

– Восемнадцать...

– А вы уверены, что они были на территории ВВЦ?

– Конечно, Маша позвонила, сказала, что они еще зайдут в кафе и покатаются на аттракционах... и не пришла!

В глазах посетительницы набухли слезы.

– Помогите, пожалуйста.

– Та-ак, понятно, – протянул Виктор Михайлович в некоторой растерянности. – И все же вы пришли не по адресу. Я сейчас позвоню начальнику отделения милиции, он вас примет, и вы расскажете все, что знаете. Успокойтесь, найдется ваша дочь, не маленькая уже. ВВЦ – не тайга, тут невозможно потеряться. Хотя я думаю, что она просто гостит у друзей.

– У нее нет друзей, только подружка Лиля.

– Ничего, все будет хорошо. – Виктор Михайлович вызвал секретаря. – Костя, проводи женщину в отделение, я позвоню Карпову, он ее примет.

Посетительница вышла, прошептав «спасибо».

Директор снова остался один, не придав особого значения визиту. Восемнадцатилетние девочки-девушки запросто могли преподнести сюрприз родителям, заночевав у знакомых мальчиков, и только для матерей и отцов это всегда являлось неожиданностью, громом среди ясного неба.

Отвлек Виктора Михайловича от горестных размышлений звонок телефона. Поговорив с начальником отделения милиции, располагавшегося на территории ВВЦ, Курыло занялся делами, увлекся и до вечера уже не вспоминал о тяжелом разговоре с заместителем. В начале девятого он позвонил жене, предупредил, что голоден, и поехал домой.

Жил Виктор Михайлович в доме улучшенной планировки на улице Островитянова, куда переехал совсем недавно из Мытищ, где у него была двухкомнатная квартира в старой пятиэтажке. Новый дом был построен в форме шестигранной башни со стеклянными верандами и являл собой последнее слово в градостроительной архитектуре. Въезд на его территорию охранялся, кроме того, в подъезде дежурил сторож-консьерж, поэтому попасть в дом человеку с улицы было непросто. И тем не менее посторонние люди прошли охранные кордоны дома свободно и встретили Виктора Михайловича на лифтовой площадке, у

двери в жилую секцию, куда выходили двери пяти квартир; квартира Виктора Михайловича располагалась на двенадцатом этаже дома.

Что эти двое – молодой мужчина и женщина – ждут именно его, Курыло понял слишком поздно.

– Виктор Михайлович? – обратилась к нему высокая крупная блондинка в джинсах и футболке с изображением крокодильчика на плече.

– Да, – приостановился удивленный Курыло, – а в чем дело?

– Да ни в чем, – усмехнулась девушка и ударила Виктора Михайловича коленом в пах.

Охнув, Курыло согнулся, прикрывая руками низ живота, закатил глаза и получил еще один удар – ребром ладони по затылку. Упал, теряя сознание от боли, и от боли же пришел в себя. Его били ногами с двух сторон, причем удары блондинки, обутой в остроносые туфли, были существенно больнее, несмотря на то что ее спутник бил сильнее.

Спасло Виктора Михайловича появление соседей: пенсионеры напротив в это время всегда выгуливали собаку – кроткого и флегматичного спаниеля.

– Живи пока, засранец! – процедила сквозь зубы блондинка, направляясь к лифту. – Это тебе предупреждение. Будешь кочевряжиться – покалечим так, что из больницы не вылезешь до конца жизни!

Лифт пошел вниз, увозя пару, избившую Виктора Михайловича. Кое-как перевернувшись на бок, он увидел испуганно-недоумевающие лица соседей и подумал, что так долго продолжаться противостояние с заместителем не может. Надо или уходить с работы по собственному желанию, или...

– Нанять телохранителя! – пробормотал он вслух.

– Что? – наклонился к нему толстяк-сосед, в то время как спаниэль лизал Виктору Михайловичу руку. – Что вы сказали?

– А вот черта с два! – попытался встать Курыло, опираясь на протянутую руку. – Не уступлю! Не на того напали!

В коридор выглянула жена, привлеченная шумом, бросилась к нему.

– Витя, что с тобой?!

– Успокойся, ничего страшного, упал с лестницы, – сказал Виктор Михайлович, твердо решив последовать совету начальника УФСБ – нанять телохранителя.

Глава 5

Человек БОКСа

Антон со вздохом отбросил в сторону книгу, которую читал, и поднял глаза к потолку, переживая состояние раздраженной неудовлетворенности. Валерия, сидевшая у компьютера в соседней комнате в одном летнем халатике, заметила его жест, встала, гибко потянулась и подошла к лежащему на диване в гостиной мужу.

– Чем расстроен?

Антон нехотя кивнул на книгу.

– Да вот, нашел. Этот парень считается чуть ли не главным специалистом по воинскому образованию, но, судя по всему, не знает ни наших воинских, ни культурных традиций, ни духовного наследия. Либо элементарный невежда. Хотя вполне допускаю, что пишет он по заказу.

Валерия с любопытством перевернула книгу. Это был энциклопедический справочник «200 школ боевых искусств Востока и Запада». Автор – А. Е. Тарас, проживающий в Белоруссии.

– Ты считаешь, он не прав?

– Это он считает, что у русских и вообще у славян не было ни боевых традиций, ни школ воинских искусств. И побеждали мы лишь числом, а не умением. Так вообще можно договориться до того, что русский народ никогда не существовал.

– Не принимай все эти писания близко к сердцу, дорогой. Авторы подобных утверждений, как правило, люди неславянского происхождения, пусть их заявления остаются на их же совести.

– Да я не особенно переживаю, хотя, с другой стороны, обидно. Парень-то вроде славянин, должен знать истоки.

– Возможно, он действительно выполняет чей-то заказ, пусть даже неосознанно. Все это следствия продолжающегося морочения людей. Морок хочет убить, растоптать душу нашего народа и использует все доступные ему методы.

Антон кивнул.

Прошел год с момента битвы со слугами Морока на берегах озера Ильмень, но помнилось все как происшедшее вчера, хотя о том, что было, они предпочитали не говорить.

– Значит, ты считаешь, что господин Тарас заморочен? А ведь должен был бы знать, что русский ратник одинаково владел топором, мечом, молотом, кистенем, булавой, пикой и сулицей. Это еще хронисты Средневековья отмечали. А как можно было овладеть оружием и приемами боя без *школы*? Что, Тарас этого не понимает? Я читал, как убили Евпатия Коловрата в тринадцатом веке. Многочасовая рукопашная сеча складывалась в нашу пользу, хотя отряд Коловрата был в семь раз меньше по численности, и наши воины не спрашивали у противника, какие стили воинского искусства те представляют. Коловрата смогли победить только тогда, когда начали издали стрелять по отряду из пороков, то есть из пушек, ядрами.

– Не горячись, ты прав. Я не великий знаток боевых искусств, но, изучив десятки, если не сотни, исторических документов, тоже уверена, что воинское искусство русского народа в тотальном бою превосходило воинскую традицию и Востока, и Запада. Иначе Русь не устояла бы. Что же касается школ боевых искусств, то они, конечно же, были, а серьезный удар по ним и по системе воинского воспитания вообще нанесла даже не столько христианская церковь, сколько всеобщее и полное закрепощение крестьян. Правда, мудрый русский народ и тут нашел лазейку: приемы воинских искусств стали ритуальными, потешными, фольк-

лорными. Без кулачных боев и борьбы, без боев на палках не обходился ни один праздник. Но об этом я могу говорить долго.

– Знаю, – улыбнулся Антон, обнимая жену. – Это твой конек. Я у тебя один манускрипт нашел – китайские хроники восемнадцатого века, в переводе, разумеется. Так там говорится о пленных русских казаках, которые впервые в истории Китая предстали перед очами императора Поднебесной. Последний приказал им продемонстрировать воинское искусство и был весьма удивлен, когда «светловолосые дьяволы» уложили в рукопашке лучших телохранителей императора.

– Вот видишь, – промурлыкала Валерия на ухо мужу, – даже азиаты признаются в приоритете наших традиций.

– Илья говорил, что и в наши дни сохраняются семейные воинские школы. Он где-то встречался с клановыми воинами и даже учился у одного из них.

– Естественно, такие школы существуют. Но доступны они далеко не каждому смертному. Многие Витязи прошли такие школы, если верить деду Евстигнею. Если бы не красный террор, организованный сначала троцкистами и продолженный «верными сталинцами», который уничтожил всю российскую аристократию, носительницу вековых традиций духовности и культуры, сейчас во всем мире говорили бы о «русских стилях», а не о японских. Русская арийская «борьба пяти стихий» положила начало и даоскому направлению воинского образования Китая, и старошаолиньскому, традиции которого, кстати, пришли в Китай из Индии.

– А говоришь – небольшой специалист по боевым искусствам.

– Так ведь я филолог и историк, много чего прочитала и изучила. А история воинских искусств неразрывно связана с историей народов. Так что не драматизируй трагедию, как сказал поэт.

Антон засмеялся, отстранил жену, поцеловал ее в глаз.

– Мне повезло, что ты классный специалист. Нет, правда. Никогда не думал, что женщина может быть не только красивой, но и умной, и знающей.

– Лыстец, – пожурила его Валерия, направляясь в комнату с компьютером. – Подожди, сейчас закончу работу, и мы пойдем ужинать. Не возражаешь?

– Ни в коем разе. А ты снова сидишь в Интернете?

– Приходится. Польский писатель-фантаст Станислав Лем, конечно, прав, утверждая, что Интернет сталместилищем глупости, пошлости, воровства, порнографии, злобных выходок, но лучшего хранилища знаний человечество пока не придумало. И, к сожалению, людей, стремящихся к знанию, гораздо меньше, чем ищущих легких развлечений и диких игр, служащих лишь для того, чтобы убить время.

– Тут я с Лемом согласен, – хмыкнул Антон. – Интернет действительно плодит идиотов, способных разве что быстро нажимать кнопки на клавиатуре. Над чем ты сейчас трудишься? Вчера допоздна торчала у экрана, позавчера.

– Тестирую Ветхий и Новый Заветы.

– Зачем? – удивился Антон. – Кому это понадобилось?

– Во-первых, анализ библейских текстов – моя тема в институте. Во-вторых, ты не представляешь, насколько это интересно. И страшно! Во внешне привлекательную информационную программу, которой является Библия, как патрон в обойму, вложена ядовитая начинка, которую очень трудно распознать.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты хорошо помнишь основные Христовы постулаты?

– Это «не убий», что ли?

– Всего их десять, но основных – пять: возлюби врага своего; я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью; кто ударит тебя по правой щеке, подставь левую; не

заботьтесь о завтрашнем дне; не прелюбодействуй, ибо кто смотрит на женщину с вожделением, тот уже прелюбодействует с ней в сердце своем.

– А «не убий»?

– О заповеди «не убий» разговор особый. В Библии он усечен, а раньше звучал так: не убий *брата своего* во Христе. Понимаешь, о чем речь?

– То есть брата своего, единомышленника, не убий, а остальных можно?

– Совершенно верно.

– Хороша заповедь!

– Остальные не лучше. Первый постулат лег в основу так называемого христианского интернационализма, лишившего нас чувства национального достоинства. Вторым внес разлад в семью. В нем дети натравливаются на родителей, родители на детей и на родственников.

– Ну, третий, понятно, что делает: обезоруживает и духовно ослабляет человека в тот момент, когда нужно дать врагу решительный и адекватный отпор. А как насчет пятого – о женщине?

– Пятая заповедь вообще заставляет мужчину стыдиться естественного, природой заложенного, влечения к женщине. Любовь между мужчиной и женщиной имеет космическое происхождение и значение, а в Новом Завете она сводится к примитивному «вожделению» и «греху». Не зовет к гармонии отношений, а сеет «смятение чувств», ведет к извращению смысла тяготения мужчины к женщине.

– То есть налицо самая настоящая диверсия?

– Громов, ты лапидарен, как сама природа! Но! – Валерия погрозила ему пальцем. – Если ты вздумаешь бросить косой взгляд на другую женщину!..

– Понял. – Антон поднял вверх руки. – Мало не покажется! Постараюсь сдерживать свое мужское начало.

Валерия не выдержала тона, засмеялась.

– Сдерживай, но только не в отношении меня. Так что христианство – жуткая религия, убивающая в человеке человека. В то время как Высшему Разуму, создавшему нашу Вселенную и нас самих, не нужен ни «Сын Божий», ни другие посредники, ни Библия.

– Ну, я думаю, другие религии не сильно отличаются в этом смысле от христианства. Всем им нужен вождь и толпа, которую можно доить ради ее же «спасения». Однако я проголодался, Валерия свет Никитична. Давай на время отвлечемся от философских бесед и сходим повечерять.

– Я тоже хочу есть, – призналась Валерия, выключая компьютер. – Потом доделаю расчет. Куда пойдем?

– Предлагаю пойти в японский ресторан «Саппоро». Это недалеко от офиса фирмы, которую мы охраняем. Я там был дважды и рекомендую попробовать суси с хреном.

– Может быть, суши?

– Нет, сами японцы говорят – суси. Знаешь, что это такое? Рисовый колобок, а сверху...

– Кусочек филе сырой рыбы. Пробовала – не понравилось.

– Тогда можешь взять сасими. Это та же рыба, но с овощами и японским редисом – дайконом. Очень полезная вещь.

– Может быть, и полезная, но я предпочитаю русскую кухню или в крайнем случае прибалтийскую. Пойдем лучше в клуб «ЭКС-мобил», там очень прилично готовят фламбэ и салаты. И рыбу можно заказать.

– Как прикажете, – с готовностью встал с дивана Антон. – Надеюсь, в этот твой клуб не нужно надевать фрак?

– Это клуб для деловых встреч, так что выбор одежды демократичен. Надень летний белый гольф и серые брюки, мне очень нравится этот твой прикид.

Антон засмеялся, скрываясь в ванной комнате. Крикнул оттуда:

– Ты почти смотрела? Там на твое имя пришел конверт из «Ридерз дайджест».

– Надо было сразу его выбросить, – отозвалась Валерия. – Моя подруга Катя целый год играла с этим сволочным издательством в его игры: заказывала книги, журналы, видеокассеты – в надежде выиграть миллион.

– И что же, выиграла?

– Ни копейки. Зато потратила около десяти тысяч рублей, глупая. Что характерно: с каждым ответом ей сообщали, что она все ближе и ближе к выигрышу, что претендует на спецпризы, на всякие дополнительные призы, стала чуть ли не единственным финалистом, а закончилось все пшиком.

– Это нам знакомо. В советские времена я тоже играл в лотерею.

– Игра «Ридерз дайджест» намного эффективнее и злее, так как рассчитана психологами на дураков и на тех, кто жаждет выиграть, не прикладывая никаких усилий. Доверчивый народ всюду несет свои рублики на почту и в сбербанк. Так что издательство не бедствует. К тому же оно изредка издает приличные книжки, хотя и очень дорогие.

– Почему же они прислали письмо нам?

– Наверное, Катя сообщила им наш адрес. Там у них хитрая завалялочка: пошлешь полсотни адресов друзей для вовлечения в игру – получишь приз.

– Ясно. Молодцы, ребята, прекрасно разбираются в человеческой натуре.

Антон вышел из ванной комнаты с влажными волосами, быстро переоделся.

– Ты скоро?

– Сейчас.

Валерия вышла из спальни через минуту в вечернем платье с вырезом, и Антон некоторое время разглядывал ее с непроницаемым лицом.

– Что-нибудь не так? – забеспокоилась она, пытаясь поправить прическу.

– Иногда я не верю, – сказал он медленно, – что ты моя жена. Даже вздрагиваю и просыпаюсь по ночам в испуге – здесь ты или нет?!

– Лыстец, – с облегчением вздохнула Валерия. – Никак не привыкну к твоей манере говорить комплименты. Хотя, если по-честному, мне она нравится и заставляет держать себя в форме.

Антон обнял жену взглядом, потом не удержался, обнял «в натуре», поцеловал в шею.

– Ты такая красивая, Лерка! Аж самого себя зависть берет! Помнишь, как мы встретились в поезде? Когда ты вышла из вагона, я чуть не бросился следом. Кстати, не подумай ли нам о ребенке?

Валерия автоматически проговорила:

– Осторожнее, медведь, помаду сотрешь, – и замерла: – Ты... серьезно?!

– Более чем. Пора озаботиться демографической обстановкой в стране. Я даже не возражал бы против двух детей. – Антон подумал. – Или трех.

Валерия глубоко вздохнула, поцеловала его и подтолкнула к ванной.

– Иди, смой помаду.

– Я не понял реакции.

Женщина посерьезнела, закинула ему на шею руки, заглянула в глаза.

– Я так рада, что нашла тебя, Гром! Ты не представляешь!

– Но ты все-таки против или нет? – попытался он прояснить ситуацию.

– Конечно, нет. Я люблю детей. Я хочу детей. А еще я люблю тебя!

Она поцеловала его, еще и еще раз, и в конце концов дело едва не закончилось раздеванием. Потом Валерия взяла себя в руки, уединилась в ванной, и Антон, пробормотав, что можно было бы и остаться, вынужден был подчиниться и поменял гольф, испачканный

в помаде, на рубашку «от Русльна» с маленьким, летящим, вышитым серебристой гладью соколом на груди.

В начале восьмого они уже ехали в машине, принадлежавшей когда-то капитану Гнедичу, первому мужу Валерии, погибшему в болотах на берегу озера Ильмень. Поскольку у Громова не было своего жилья в Москве, он, естественно, переехал к Валерии, имевшей квартиру в Старопанском переулке Китай-города. Первое время он чувствовал себя неловко, скованно и неуютно, словно украл что-то или обманул кого, но потом постепенно привык к своему положению, хотя и продолжал мечтать о переезде в какой-нибудь из новостроящихся домов, подальше от шумного, загрязненного выхлопными газами автомобилей, центра.

Продолжая начатый дома разговор, Антон свернул к набережной и, глянув на башни Кремля, вспомнил о приглашении. Его непосредственный начальник Юрий Петрович Горячко, бывший зам начальника штаба Девятого управления КГБ, полковник в отставке, был верующим человеком, часто ходил в церковь и посещал монастыри. Вчера он пригласил всех сотрудников БОКСа в Андроников монастырь, где проходил Всероссийский фестиваль колокольного искусства.

– Я слышала об этом мероприятии, – кивнула Валерия. – В монастырь съезжаются полсотни звонарей со всей Руси, чтобы посоревноваться в искусстве «красного» звона. Конечно, сходим, я люблю слушать колокольный звон.

Машина свернула на мост, запетляла по узким переулочкам возле Пятницкой, остановилась у здания «Юго-банка», рядом с которым располагался клуб «ЭКС-мобил».

Чей-то пристальный цепкий взгляд мазнул спину Антона, вылезавшего из кабины старенькой «Мицубиси», и он мгновенно привел себя в *дежурное* состояние. Подавая руку Валерии, незаметно огляделся. Притормозившая неподалеку черная «Волга» с затемненными стеклами тут же отъехала, и взгляд словно втянулся в асфальт улицы, исчез. Но Антон уже понял, что за ним ведется слежка. Кем и зачем – было непонятно, однако интуиция его никогда не обманывала, а это означало, что неведомый наблюдатель существует, причем наблюдатель опытный, судя по его реакции: он лишь раз остановил взгляд на объекте и тут же отвернулся, не акцентируя внимания, зная, что Громов – человек с *навыками*, обладающий тонкой нервной организацией и способный *видет* в ситуацию.

Своими открытиями и размышлениями Антон с женой, однако, не поделился, не желая пугать ее раньше времени. Она и так совсем недавно отошла от переживаний, связанных с гибелью мужа и событиями на Ильмень-озере. В памяти еще свежи были воспоминания о походе в храм Морока, о пленении, о бое с хха – монахами-охранниками храма, о встрече с наместником Морока, который едва не уничтожил весь отряд Пашина, переносивший камень с Ликом Беса – Врата Морока – к месту выхода светлых с и л. Надо было разобраться с появлением слежки – если только он не ошибся – самому, выяснить, кто ее устроил и с какой целью, а уж потом поднимать тревогу. Хотя в одном Антон не сомневался ни капли: *так* смотреть мог только профессионал-наблюдатель, оценивающий возможности и направление движения объекта.

Но вы приятно удивитесь, узнавши, кто вас заказал, вспомнил он слова поэта. Усмехнулся про себя. Возможно, ни о каком «заказе» речь не шла и все его страхи не стоят и выеденного яйца. Было бы славно, если бы так все и обстояло на самом деле.

– Ты меня не слушаешь! – рассердилась Валерия. – О чем я сейчас говорила?

– О том, как ты была в Музее космонавтики, – нашел ответ Антон; часть его сознания контролировала все, что происходило вокруг, и не упускала ни одной мелочи.

– Правильно, – смягчилась Валерия. – Я думала, ты обо мне забыл. Стоишь с видом сомнамбулы и гредишь с открытыми глазами. Так вот, мы с подружкой были в шоке: эти детки не знали, кто первым полетел в космос, наши или американцы! Гид спрашивает: как звали первого космонавта планеты? И знаешь, что они отвечали? Брюс Уиллис!

Антон невольно засмеялся.

– Нынешнее поколение выбирает американские боевики.

– Но ведь это ужасно! Дети не знают истории своей страны!

– Можно подумать, что взрослые знают.

– Ты это приветствуешь?

– Согласен, это плохо. Так мы потеряем все корни и превратимся в буратин, закапывающих ум на «поле дураков». Но давай поговорим о чем-нибудь более приятном. Хочется отдохнуть, а не решать мировые социальные проблемы.

– Хорошо, – легко согласилась Валерия. – Ты, как всегда, прав. Будем получать маленькое, но удовольствие. А как было бы здорово встретить здесь Илью и Славу!

– Они сейчас далеко отсюда, – отозвался Антон со вздохом, оглядываясь на пороге клуба. – Я тоже по ним соскучился.

Илья Пашин с женой Владиславой в данный момент находились в Рязанской губернии и в Москву собирались приехать только в конце лета.

Во дворе банка появилась еще одна машина – серая «двенадцатая» «Лада», остановилась у «Мицубиси-Харизма» Громовых, но тут же отъехала. Антон проводил ее настороженным взглядом, потом тряхнул головой, сбрасывая оцепенение – он готов был подозревать все и вся, – и поспешил вслед за женой в гостеприимно распахнутую дверь клуба «ЭКС-мобил».

* * *

На следующий день его вызвал к себе Горячко.

Офис БОКСа располагался на Ленинском проспекте, и поехал туда Антон не на машине, а на метро.

Бюро охраны коммерческих структур возникло в июне тысяча девятьсот девяносто третьего года. Создали его бывшие офицеры и сотрудники КГБ, оставшиеся не у дел после известных событий девяносто первого года. В те времена частные охранные предприятия только начинали появляться, и БОКС оказался в числе первых, проявивших себя с самой лучшей стороны частных охранных агентств. Его учредителями стали Российская национальная служба экономической безопасности, Центр специальной подготовки и Государственная инвестиционная корпорация, руководитель которой когда-то работал на Кубе послом.

Первыми объектами БОКСа стали банк «Опцион», Трактороэкспорт, Инженерный центр и АО «Алмазный берег». К моменту поступления в Бюро Антона Громова – с подачи Ильи Пашина – БОКС охранял более пятидесяти объектов, в том числе и турфирму «Глобус», которая досталась Антону в качестве «испытательного полигона». Однако вписался он в систему «боксерских» отношений быстро и уже через полтора месяца стал своим в коллективе, признающем только опыт, профессионализм и позитивные человеческие качества, такие, как прямота, честность, отзывчивость, смелость, самоотверженность и готовность прийти на помощь.

Юрий Петрович Горячко, похожий больше на бухгалтера, чем на боевого полковника, жестом пригласил Громова подсесть к столу, закончил писать какую-то бумагу, снял очки и посмотрел на сотрудника рассеянным взглядом озадаченного делами человека.

– Как настроение?

– Нормально, – пожал плечами Антон; о замеченной слежке он решил начальнику пока не говорить. – Вот собрались в субботу и воскресенье сходить с женой в Андроников монастырь, послушать колокола.

– Хорошее дело, – слегка оживился Горячко, снова надел очки, и взгляд его стал острым, прицеливающимся. – Я тоже пойду, и тоже с женой. Она у меня хоть и молодая, но больше любит ходить по музеям, чем по ресторанам и тусовкам с участием эстрадных звезд.

Антон промолчал, так как по ресторанам ходил с Валерией довольно часто, хотя и не ради встреч со звездами.

– Вот что, Антон Андреевич, – продолжал начальник Бюро. – Ты на ВДНХ давно не был? То есть на ВВЦ. – Горячко досадливо поморщился. – Никак не привыкну к новой аббревиатуре.

– В прошлом году навещал, – осторожно сказал Антон, не понимая, куда клонит Горячко. – На международной книжной ярмарке. И в этом году собираюсь на очередную книжную ярмарку.

– А с гендиректором ВДНХ... э-э... ВВЦ ты не знаком?

– Нет.

– Что ж, это даже к лучшему. Дело в том, что Виктор Михайлович Курыло – генеральный директор ВВЦ – обратился к нам за помощью. Просит дать ему личного телохранителя. И мы решили послать тебя и Колю Шебаршина. Будете дежурить по очереди, двое суток ты, двое он. Предупреждаю: дело это серьезное, подойти к нему надо со всей ответственностью. За тебя я спокоен, ты огни и воды прошел, поэтому напарника можешь выбрать сам, если Шебаршин не подходит.

Антон проглотил вертевшиеся на языке возражения, помолчал немного. Бывший десантник – старлей Николай Шебаршин работал в БОКСЕ давно и слыл человеком сильным и уравновешенным, несмотря на молодость: ему стукнуло всего двадцать семь лет.

– Справится, – сказал наконец Антон. – Парень правильный и умелый. А что случилось? Почему гендиректору ВВЦ вдруг понадобился телохранитель? Разве он не охраняется собственными сотрудниками безопасности?

– Охраняется, но в рамках формальных отношений. А между тем дело непростое, можно сказать, политическое. Заместитель Курыло, некий Халил Магомедович Савагов, начал войну против гендиректора, хочет занять его кресло. ВВЦ, сам понимаешь, лакомый кусок, всякому хочется поруководить таким предприятием, в том числе криминальным структурам. Тем более что на правительственном уровне решено предложить ВВЦ в качестве хозяина международной выставки ЭКСПО в две тысячи десятом году.

– Савагов – человек криминала?

– Вероятнее всего.

– Он дагестанец, абхазец, ингуш?

– Аварец, по слухам – принадлежит к дагестанской нацгруппировке. Ты присмотришься к нему, понаблюдай за связями, эта информация никогда не будет лишней. Но и на рожон не лезь! Твое дело – сопровождение гендиректора от порога квартиры утром и до порога вечером, предупреждение нападений и конфликтов. Отношения директора и зама зашли в тупик, дошло до прямых угроз, так что придется смотреть в оба и реагировать адекватно.

– Понял, Юрий Петрович.

– А коли понял, вот, ознакомься. – Горячко подвинул к Антону большой серый конверт. – Это кое-какие материалы по ВВЦ, Курыло передал. Структура, бухгалтерия, финансы, кадры, отношения подразделений. Изучи внимательно и приступай к работе.

Антон взял конверт.

– Когда?

– Сегодня пятница, начни с понедельника, я предупрежу Виктора Михайловича.

– Особый режим?

– Режим пока обычный, работай четко по инструкции. Оружие применять только в пределах обороны клиента и только в случае прямой угрозы.

– Слушаюсь, Юрий Петрович.

– Документы на *проведение* клиента оформи прямо сейчас. Вечером в понедельник доложишь о первых впечатлениях.

Антон встал, пожал руку начальнику и вышел, еще не совсем разобравшись в своем отношении к новому поручению. С одной стороны, ему было лестно, что выбор пал на него – это говорило о признании Громова специалистами БОКСа, с другой – работа телохранителя требовала большого расхода нервной энергии и знания специфических навыков охраны живого человека. В свое время Антону пришлось охранять высших армейских чинов, и он знал, какая это сложная и неблагодарная работа.

Ничего, справимся, успокоил он сам себя, выходя из офиса на улицу, ВВЦ – не чеченская «зеленка» и не джунгли Мадагаскара, не особенно-то засаду устроишь. Придется покрутить головой... как локатором.

Кто-то посмотрел на него издали.

Антон быстро с х в а т и л взгляд и увидел отъезжавшую серую «двенадцатую» «Ладу». Сомнений не оставалось: его продолжали п а с т и.

Глава 6

Место встречи изменить нельзя

Капитану Управления оперативно-поисковой работы ФСБ Ратникову Терентию Георгиевичу двадцать первого июня исполнилось двадцать девять лет. Поскольку дата была некруглая, праздновал он день рождения в узком кругу друзей и сослуживцев, заказав на восемь часов вечера в подмосковном Доме творчества литераторов Голицыно отдельный кабинет в ресторане, принадлежащем Дому. Всего присутствовало на чествовании юбиляра шесть человек: трое сотрудников Управления, друг детства Гера – Герман Алексеев, сын известного писателя, и две девушки – Валя и Вера.

Среднего роста, но широкоплечий, мускулистый, гибкий, кареглазый, очень спокойный, с густой шапкой светлых волос, Ратников нравился женщинам, однако сам был к ним не то чтобы равнодушен, но с романами не спешил. Сослуживцы знали его как сильного, уверенного в себе человека, мастера рукопашного боя, быть может, излишне импульсивного, но всегда готового протянуть руку помощи. В жизни ему недоставало, пожалуй, только одного – умения завязывать теплые, дружески-снисходительные отношения.

Отучившись в Новгородском машиностроительном институте и прослужив два года в десантных войсках, Терентий закончил Высшие курсы госбезопасности и был приглашен в Управление военной контрразведки ФСБ. Через год подающего надежды лейтенанта перевели в оперативно-поисковое управление, где он и остался, получив через два года звание капитана и должность начальника отделения; в его подчинение была передана группа быстрого реагирования. Ему предлагали закончить Академию Генштаба или в крайнем случае Школу ФСБ, и в конце концов Ратников согласился на Школу, хотя и без особого энтузиазма. Оперативная работа сыскаря-перехватчика, охотника за преступниками и торговцами государственными тайнами, ему нравилась, и бросать ее ради карьеры не хотелось. С другой стороны, он понимал, что надо идти дальше, думать о будущем и учиться.

Тем не менее занятия в Школе начинались в начале октября, работать с хорошо знакомыми людьми, профи своего дела, оставалось все меньше времени, и этим временем надо было дорожить.

Конечно, Терентий мог справить день рождения и в Москве, где жила мама. После внезапной смерти отца в девяносто девятом – от сердечного приступа – она осталась одна в трехкомнатной квартире, расположенной в девятиэтажке в Старопетровском проезде, напротив стадиона «Авангард». Мама давно предлагала сыну переехать из Голицына к ней. Но, во-первых, Терентий любил свободу, во-вторых, имел хорошую квартиру в Голицыне, в-третьих, база Управления также располагалась в Голицыне, и добираться от дома до места дислокации было удобно. Правда, теперь, после поступления в Школу, Ратникову предстояло вскоре переехать в мамину квартиру, так как ездить из Голицына на занятия и обратно было бы чересчур накладно.

День двадцать первого июня выдался жарким, поэтому Терентий надел все легкое и белое – рубашку с короткими рукавами и брюки. Примерно так же выглядели и приглашенные, словно одевались все в одном бутике. Это обстоятельство вызвало смех и массу шуток, так что праздник начался весело и приятно, хотя привыкшие сдерживать свои чувства парни вели себя и здесь достаточно скромно и тихо.

Ратникову подарили часы, губную гармонику, плеер, две футболки, кроссовки, две коробки конфет и цветы. Девушки обцеловали его со всех сторон, и, когда он с помощью Германа удалил с лица остатки помады, был произнесен первый тост: за новорожденного!

Выпили шампанского, заказали вина: оказалось, что из всех приглашенных водку пьет только Валя, подруга Славика, лейтенанта из команды Терентия. Остальные алкоголь если и употребляли, то лишь совсем легкий – от пива до сухого вина. Сам же Ратников не пил вовсе, разве что позволял себе два глотка шампанского по большим праздникам.

Заговорили о вине, и тут выяснилось, что Гера Алексеев большой знаток французских вин. Работал он в торговом доме «Русьимпорт» менеджером и хорошо знал предмет разговора.

– Я лично знаком с президентом винодельческого дома «Луи Жадо», – с гордостью заявил Герман, – Пьером Анри Гаже, а также с директором по экспорту Марком Дюпенем. Так вот, могу доложить, что «Луи Жадо» – одна из самых известных в мире марок бургундских вин. Я пробовал, наверное, чуть ли не все сорта вин Франции и готов доказать, что бургундские вина – это вещь!

– Докажи, – потребовала Вера, девушка Германа.

– Я так и знал, что мне придется отвечать за свои слова, – ухмыльнулся Гера, – и заранее побеспокоился. Сейчас принесу.

Он встал и вышел из небольшого, но уютного зальчика, где всегда веселились известные литераторы и их гости.

– А я люблю все-таки молдавские вина, – сказал Славик, голубоглазый атлет с ямочками на щеках. – Может, потому, что не часто удается выпить настоящего французского сухаря на халяву.

Все засмеялись.

– А куда это он пошел? – поинтересовался Жора Пучков, коренастый и бородатый, похожий на молодого монаха.

– За бутылкой вина, – пояснила Вера. – В машине оставил. Гера действительно фанат своего дела и достал где-то жутко благородное вино, очень старое.

– Какой марки?

– Кажется, «Кортон-Шарлемань Гран Крю».

– Ух ты, звучит как песня. Что ж, попробуем, раз командир не возражает. Командир, ты как настроен, не возражаешь?

– По одному глотку! – сурово сказал Ратников, снова вызвав взрыв смеха.

– Правильно, – согласилась Вера. – Такое вино – дорогое удовольствие.

– А удовольствия и должны быть дорогими, – заметил Славик. – Чтобы не было девальвации чувств. Вон, в Америке, любое удовольствие можно купить задешево, а какой в этом кайф?

– По уровню жизни и кайф, – меланхолично проворчал Жора Пучков. – Я где-то видел рейтинг ООН по уровню жизни в мире, так вот Россия там занимает аж семьдесят второе место. Вот и получается, что нам, русским, даже глоток вина на халяву – великий кайф!

Девушки прыснули.

Славик пожал могучими плечами.

– Уровень жизни надо мерить не по количеству потребления мяса и хлеба, а по творческому по-тенциалу, а уж здесь нам равных нет. И благополучных идиотов, как на Западе, у нас на два порядка меньше.

– Это как тебе удалось подсчитать? – прищурился молчавший до сих пор Веня Дорофеев.

– Тут и считать ничего не надо, достаточно послушать Евроновости. О чем можно говорить с людьми, на полном серьезе сочинившими трактат об опасности обрушения унитазов? И получившими за него, между прочим, альтернативную Нобелевку! Или, к примеру,

как можно относиться к людям, на «ура» принимающим математическое обоснование процедуры обмакивания печенья в чай?!

– Дурдом! – недоверчиво проговорил Веня. – Неужели такие вещи могут обсуждаться серьезно? Может быть, это у них такой юмор?

– Юмор у них такой же тупой, как они сами, – проворчал Жора, на дух не переносивший американцев и европейцев. – Я иногда захоживаю в Интернет по надобности и читаю западные анекдоты – чушь сплошная! Редко удается улыбнуться. Наши анекдоты удачнее и сочнее. Однако где же наш винодел? Может, помочь ему дотащить бутылку?

Ратников прислушался к начавшемуся за дверями кабинета шуму, рывком открыл дверь и увидел потасовку: четверо каких-то татуированных юнцов избивали ногами лежащую на полу девушку в белом фартуке и уворачивающегося Германа, прижимающего к животу бутылку с вином. Тут же суетился худенький милиционер в форме, пытаясь утихомирить компанию.

Терентий мгновенно оценил ситуацию и принялся действовать, в считанные доли секунды прекратив драку.

Одного юного драчуна с бутылкой пива в руках он вырубил ударом ребра ладони по носу. Второй улетел к стене помещения от удара в ухо. Третий получил по копчику, взвыл дурным голосом и сел на пол с перекошенным лицом, держась за сидалище. Четвертому парню, самому здоровому, накачанному, с золотой цепью на шее, Терентий вывернул руку, уложил амбала вниз лицом, ласково проговорив:

– А вас я попрошу упасть ничком.

Кивком подозвал ошалевшего сотрудника милиции:

– Наручники есть?

– Н-нету, – проблеял страж порядка; он побледнел, глаза забегали. – Отпустите его... меня же уволят...

– За что? – удивился Терентий, останавливая жестом подоспевших товарищей.

Вспотевший сержант облизнул губы, кивнул на скулящего здоровяка:

– Это Серый... Сергей Кустарников, сын депутата Думы...

– Ну и что? Разве у него карт-бланш на избивание людей?

– Н-нет, н-но... депутат... у них же... все...

– Не все. Делайте свое дело. – Терентий отпустил драчуна, помог встать плачущей женщине, потом Германи. – Ничего не сломали? Что здесь произошло?

– Ну, падла, я тебя живьем в землю закопаю! – вскочил белобрысый бугай, бросаясь на Ратникова с ножом... и осел на пол от незаметного удара Славика, закатил глаза.

– Я вошел, а они ее бьют, – проговорил Герман, держась одной рукой за бок; у него была разбита губа и под глазом наливался лиловым цветом синяк. – Ну, вступился, понятное дело... а они начали метелить меня. Хорошо, бутылку не разбили.

– Они попросили водки, – заговорила сквозь слезы буфетчица, – а мы здесь водкой не торгуем... вот они и взбесились, ироды проклятые! Уйду с работы, почти каждый день эти балбесы сюда ходят, жить спокойно не дают. А эти слюнтяи их покрывают!

Буфетчица бросила на милиционера уничтожающий взгляд, залилась слезами и вышла, держась за голову.

Страж порядка заискивающе улыбнулся, развел руками.

– Я, что ли, их привел сюда? Я не виноват, что у них такие родители. Я бы тоже на их месте...

– И что же, вы их так и отпустите? – поинтересовался Славик.

– Н-нет, но... вы же не знаете, что здесь происходило на самом деле. Может, она на них начала ругаться...

– Допустим, и что? Они в ответ стали ее бить?

– Так и было, – скривил губы Герман. – Я своими глазами видел и вступился... за что и получил! Могу подтвердить это в письменном виде.

– Что тут происходит? – раздался чей-то брезгливо-недовольный уверенный голос.

В помещение буфета вошли несколько вальяжных, хорошо одетых мужчин: двое постарше, лет пятидесяти, двое помоложе и помассивнее. Один из них, самый толстый, с тремя складками под подбородком, как две капли воды походил на здоровяка, который кидался на Терентия. По-видимому, это и был депутат Кустарников, отец оболтуса.

– В чем дело? – напористо продолжал толстяк, окидывая компанию Ратникова нехорошим взглядом, подошел к сыну. – Ты чего здесь разлегся? Что за шум?

– Эти пидорасы меня избили! – просипел здоровяк, кивая на присутствующих. – Прямо звери!

Толстяк, выпятив губу, глянул на Терентия, на его товарищей, нахмурился, перевел взгляд на сотрудника милиции.

– Вы подтверждаете заявление моего сына?

– Э-э... я-а-а... п-понимаете...

Терентий шагнул вперед, приблизил лицо к отшатнувшемуся депутату:

– Вам хочется справедливости? Их есть у меня. Ваш сын с друзьями загремит на нары лет на семь, если вы не найдете способ смягчить наказание. Вам понятно, господин хороший?

Двое молодых мужчин, спутников Кустарникова, попытались подойти к Терентию с двух сторон, – это, очевидно, были телохранители депутата, – но им навстречу выдвинулись Славик и Жора, и клеветы Кустарникова затевать бузу не захотели.

Депутат налился кровью, хотел что-то сказать, но наткнулся на заледеневший взгляд Ратникова и передумал. Снова обратился к сыну:

– Что ты здесь опять натворил? Я же запретил тебе... – он осекся.

– Я не виноват, они первые напали! – огрызнулся младолетний бугай, одетый в джинсы и черную майку с черепом на груди.

– Неправда, – не выдержал Герман. – Девушка что-то тебе сказала, тебе не понравилось, и ты сбил ее с ног, а твои дружки начали ее пинать ногами. Потом я подошел...

– Тогда все зависит от вас, – проговорил Терентий. – Надо писать заявления, вызывать следователя, а далее все по закону. Свидетелей достаточно, так что никуда эти крутые молодкосы не денутся.

– Ты понимаешь, с кем связался?! – двинулся к нему спутник депутата, бледнолицый, с обширной плешью, в хорошо сшитом костюме с бриллиантовой заколкой на галстук. – Мы же тебя в порошок...

– Подожди, Семен Иванович. – Депутат раздвинул толстые губы в пренебрежительной усмешке. – Этот молодой человек не понимает ситуации. Если понадобится, я найду *любых* свидетелей...

– Если понадобится, я вызову сюда спецназ, – вежливо ответил Терентий, – и он доставит всех вас в ближайшее отделение милиции как соучастников и вдохновителей нападения на женщину и сотрудника одной уважаемой фирмы. – Ратников повернулся к Герману. – Ты как настроен, Гера? Поможем господам понюхать парашу?

Глаза Кустарникова сузились.

– Ты кто такой, мальй?

– Я не мальй, а капитан ФСБ Ратников. – Терентий показал издали свое удостоверение. – Сержант, делайте свое дело. Вызывайте наряд, пока я не вызвал своих.

– Может быть, не стоит? – нерешительно произнес Герман. – Ну их к лешему! Только праздник себе испортим.

– Он уже испорчен, а урок этим уркам дать надо, – пробурчал Жора Пучков.

Кустарников и его свита обменялись взглядами. Мужчина с бриллиантовой заколкой шагнул к Ратникову, понизил голос, попытался улыбнуться:

– Ну что вы, право, сами в молодости не дрались? Ребята пошалили, согласен, но ведь не со зла, энергии много. Пять тысяч отступного вас устроит? И мы кончаем весь этот базар.

Терентий переглянулся со своими подчиненными. Их служба не рекомендовала своим сотрудникам «светиться», встречать в щекотливые ситуации, но, с другой стороны, оставлять без наказания наглецов, надеющихся на связи папаш, означало лишний раз дать им повод считать себя исключительными людьми, повелителями жизни.

– Вызывай патруль, Веня, – решил Ратников скрепя сердце. – Буфетчица говорила, что эти бандиты постоянно здесь ошиваются, хулиганят и безобразничают. Пора положить этому конец.

Депутат Кустарников снова налился кровью.

– Да я тебя!.. В три погибели!.. Из органов вылетишь!

– Вы слышали? – повернулся к свидетелям – их набралось уже человек десять – Терентий. – Он мне угрожал!

– Даже запись есть, – сказал Веня Дорофеев, показывая свой рабочий диктофон.

– Отлично! – Терентий повернулся к милиционеру. – Начинайте же работать, сержант! Иначе я и вас привлеку к ответственности за бездействие!

Взмокший, выглядевший жалко блюститель порядка развел руками, заискивающе глянул на депутата, проговорил фальцетом:

– Гражданин Кустарников... э-э... и остальные... вы задержаны... Прошу оставаться в помещении до выяснения... э-э... обстоятельств...

– Зае...ся меня задерживать! – грубо оборвал его депутат. – Я лицо неприкосновенное! И мой сын тоже. Пошли, парни.

Он дернул юного бандита за руку, направился к выходу и наткнулся на Терентия. Остановился, с недоумением вздернул реденькие брови.

– Парни, уберите это говно с дороги!

Двое громил, сопровождающих Кустарникова, двинулись к Ратникову и в течение трех секунд оказались лежащими на полу с вывернутыми за спину руками. Одного скрутил Славик, второго Жора Пучков.

– Прошу свидетелей отметить нападение на сотрудников Федеральной службы безопасности, – хладнокровно проговорил не двинувшийся с места Терентий, остро глянул в бесцветные пороссячи глазки депутата. – Не усугубляйте своего положения, господин законотворец, это может очень сильно отразиться на вашей карьере.

– Наряд будет через двадцать минут, – доложил Веня. – На всякий случай я сообщил дежурному.

– Хорошо, подождем. Разыщите пострадавшую, успокойте, кончились ее переживания. Эти мальчики больше никогда здесь не появятся.

Ратников поглядел на притихших девушек, на Германа.

– Прошу прощения, дорогие мои, светлый праздник по поводу дня рождения раба божьего Терентия отменяется ввиду форсмажорных обстоятельств. Приглашаю всех тем не менее после того, как закончится процедура, ко мне домой на кофе.

– Это ж надо было нарваться на засранцев! – в сердцах сказал Жора Пучков. – Как говорится: и летом каждый третий отморожен.

Терентий усмехнулся. Настроение было испорчено, и даже мысль о том, что он поступил правильно, не приносила удовлетворения.

Через четверть часа приехал наряд милиции, затем следователь прокуратуры, и разбирательство инцидента завершилось только через два с лишним часа.

Депутата Кустарникова и его свиту, естественно, отпустили, а также его сына, несмотря на показания свидетелей. Он тоже подпадал под статью закона о неприкосновенности народных избранников и их семей. Приятелей девятнадцатилетнего молокососа задержали, хотя едва ли им светило что-либо серьезнее, чем наложение административного взыскания в виде штрафа за «дебош в общественном месте без отягчающих обстоятельств».

Уходя, спутник депутата с бриллиантовой заколкой процедил сквозь зубы:

– Ты еще пожалеешь, что затеял эту бодягу, капитан. Я тебе обещаю такие неприятности, что... – Он замолчал, увидев в руке Вени диктофон.

Терентий кивнул на диктофон.

– Надеюсь, вы все поняли, господин Карачаев? Помощником депутата вы будете недолго, это уж я вам обещаю. Каковы бы ни были ваши связи. Как говорил юморист: хорошее я помню, это плохое не забываю, а хорошее помню. Ничего, что я намекаю? А теперь пошел вон!

Спутник Кустарникова позеленел, пожевал губами, бросил на Терентия и его друзей злобный взгляд и вышел вслед за своим господином.

– Это называется – среди шумного бала набили хлебало! – мрачно проворчал Жора Пучков, сплюнул. – Ни черта им не будет, сволочам, помяните мое слово! Дерьмократия в действии – круговая порука. А нас полковник Федотов по головке не погладит за этот инцидент.

Терентий промолчал. Он думал о том же.

– Мальчики, да ну их всех! – воскликнула Вера. – Бог им судья! Давайте все-таки посидим, расслабимся, поужинаем, выпьем за Терешу. Мало ли придурков на свете? Что ж, из-за каждого расстраиваться? Гера, открывай свое вино.

Мужчины посмотрели на нее, друг на друга и решили остаться на часок, сбросить негативные эмоции. Вскоре они почти забыли о конфликте, пытаясь развеселить именинника, за что Ратников был им благодарен. Он понимал, что стычка с депутатом еще аукнется ему каким-то образом.

* * *

В понедельник утром его вызвал к себе начальник Управления генерал-майор Приймак.

Валерий Павлович Приймак родился в Донецке в тысяча девятьсот сорок девятом году, закончил Луганский машиностроительный институт и Высшие курсы КГБ СССР в Минске. В органы госбезопасности был приглашен сразу после учебы в институте. Работал на оперативных и руководящих должностях в региональных и центральном аппарате КГБ, в Ворошиловградской области, на Камчатке, на Урале. С тысяча девятьсот восемьдесят второго года он возглавил управление Министерства безопасности по Новосибирской области, затем работал во втором Главном управлении КГБ (контрразведка) и, наконец, в тысяча девятьсот девяносто пятом году был назначен начальником Управления оперативно-поисковой работы ФСБ.

Человеком Валерий Павлович был жестким, требовательным, умным и дальновидным. Работать с ним было нелегко, но интересно, так как генерал Приймак много знал, многое умел и мыслил оригинально.

– Садись, – кивнул он Терентию, изучая какие-то фотографии в папке. Потом закрыл папку, снял очки и недовольно посмотрел на подчиненного. – Что там произошло в Голицыне, капитан? Мне звонили из аппарата Думы.

Терентий, внутренне поежась, кратко рассказал генералу историю с дракой в голицынском Доме творчества.

– Я так и думал, что они упустили самые важные подробности, – покачал головой Валерий Павлович. – Хотя все равно история противная и абсолютно не нужная. Нельзя было избежать скандала?

– Нельзя, – твердо сказал Ратников. – Уж очень нагло вел себя господин Кустарников, не говоря уже о его сынке.

– Неудивительно, у него такие связи в аппарате президента и в правительстве, что любой на его месте почувствовал бы себя императором. Инцидент мы, конечно, замнем, но будь осторожен, Терентий Георгиевич, депутат Кустарников злопамятен и мстителен. Его даже вывеска нашей конторы не пугает. Но к делу. Ты давно не был на ВВЦ?

– Где? – удивился Ратников.

– На бывшей ВДНХ.

– Да, в общем-то, давно. Честно говоря, я редко хожу по выставкам и ярмаркам. Больше по музеям.

– Музеи – дело хорошее, помогают поддерживать культурный уровень. Понимаешь, капитан, на ВВЦ стало беспокойно. Нам сигнализируют о весьма настораживающих вещах. Во-первых, в руководстве Центра возникли трения, особенно после выдвижения кандидатуры Москвы в качестве организатора международной выставки ЭКСПО-2010. Зам генерального директора яростно лезет во власть, начал войну с генеральным, не считаясь ни с чем.

– По-моему, это стандартное явление, – осторожно вставил слово Терентий. – Такие случаи нередки.

– Согласен, обычное явление. Да только сопровождается оно необычными происшествиями. Говорят, зам генерального сильно переменялся в последнее время и из заурядного криминального авторитета, опирающегося на дагестанскую группировку, вырос в фигуру, имеющую большие связи и возможности. К примеру, его часто видели в компании с Калозиным.

– Начальником администрации президента?!

– А также с нашим Папой.

Терентий невольно присвистнул.

Папой генерал и все сотрудники службы называли директора ФСБ.

– Кстати, встречался он и с твоим крестником, господином Кустарниковым. Я не знаю, что их объединяет и что означает этот альянс, но кое-кого в окружении президента это настораживает.

Терентий промолчал. Он знал, что Приймак дружит с начальником президентской Службы безопасности генералом Золотовым, и инициатива возбуждения оперативной разработки ВВЦ скорее всего исходила от него.

– Кроме того, на ВВЦ начали исчезать молоденькие девушки, – продолжал Валерий Павлович. – За последние две недели, по предварительным данным, исчезли четыре восемнадцатилетние девицы.

– То есть как – исчезли? – не понял Ратников.

– Это значит, что они пришли на выставку, а домой не вернулись. Возможно, число пропавших девиц больше, но в местном отделении внутренних дел лежат пока только четыре заявления. В связи со всеми этими непонятками возникает некий неясный пока ф о н ситуации. Надо понаблюдать за работой Центра. Тихо, скрытно, без шума и огласки. Особое внимание обратить на господина Савагова и его окружение.

– Кто это?

– Это и есть заместитель генерального директора Халил Магомедович Савагов. Следует также обратить внимание на юных посетительниц ВВЦ, попытаться оконтурить наи-

более посещаемые ими объекты и определить п о т о к и внимания к девушкам со стороны неких сил. Если, конечно, такие силы существуют.

– Понял, товарищ генерал. Но для контроля такой огромной территории моих ребят недостаточно.

– Возьмешь в подчинение группу Завьялова и технарей. Посвящать их в задание не надо, но сориентировать стоит. Докладывать обо всем будешь лично мне.

– А Валерий Васильевич в курсе?

Полковник Федотов Валерий Васильевич был непосредственным начальником Ратникова.

– В курсе, – сказал Приймак. – Но у него много других дел, поэтому работать будешь один.

– Слушаюсь, товарищ генерал. Разрешите идти?

– Иди. – Валерий Павлович сложил фотографии в папку, передал папку Ратникову. – Здесь все материалы по ВВЦ. Информацию по исчезновению девушек получишь у Малахова.

Терентий встал, щелкнул каблуками и вышел, не ощущая особого волнения по поводу нового задания. Происходящее на ВВЦ показалось ему не слишком значительным, но генерал Приймак никогда зря не направлял своих работников просто *понаблюдать* за объектом, и если он вдруг заинтересовался обстановкой на Всероссийском выставочном центре, это говорило о какой-то *тенденции*.

Разберемся, подумал Ратников, выходя из Управления. Хотя с чем ему придется столкнуться, он еще не представлял.

Глава 7

Брыкин бор

Илья развернул спальник, поправил надувную подушку и вылез из палатки.

Солнце зашло, и лесом овладели сумерки. Река притихла, лишь изредка шевеля волной осоку. На заводи проявилась кисея тумана. Костер у палатки стрельнул искрой, но Илья не оглянулся, глядя на реку. И вот из воды на берег вышла фея.

Прекрасное лицо с огромными, серо-зелеными, зовущими глазами...

Тонкий стан...

Длинные ноги...

Прилипший к бедрам и груди сарафан – купалась она только в платье, не признавая купальников...

Фея по имени Владислава. Желанная и единственная...

Он спустился с откоса, подхватил ее на руки и вынес к палатке, прижимая мокрое тело жены к себе, бережно опустил на траву. Она закинула ему руки на шею, прижалась мокрой щекой к щеке, и так они стояли некоторое время, дыша друг другом, чувствуя удивительное умиротворяющее и одновременно согревающее единение. Потом Владислава поцеловала его холодными после купания губами – нежно и трепетно, *обещающе*, стащила платье и быстро завернулась в махровое полотенце, под села к костру, начала сушить волосы. Умолкший лес смотрел на юную женщину – ей исполнилось всего девятнадцать лет – с отеческой заботливостью, словно знал Владиславу давно, хотя по Брыкину бору Рязанщины она путешествовала впервые. Впрочем, Илья привык к этому феномену: куда бы ни попадала его жена, какие бы уголки ни посещала, всюду она была своей. Неизбалованное цивилизацией дитя природы, дитя земли, она жила по ее законам, относилась к ней с уважением и любовью и получала в ответ такую же любовь и признание.

Илья тоже считал себя сыном земли, человеком стихий, постигшим душу природы, но Владислава вписывалась в картину природы естественней и проще и сама буквально олицетворяла душу мира, живущего по божеским законам мудрого долготерпения.

По Мещерскому краю Рязанщины молодая пара – относительно молодая, в том смысле, что женаты они были еще меньше года, хотя самому Пашину исполнилось уже сорок лет – путешествовала уже вторую неделю. На турбазе «Мещера» под Спас-Клепиками Илья взял лодку, палатку и все необходимое для долгого похода, и они направились сначала вверх по течению Пры, чтобы дойти до Ялмы, посетить церковь Покрова на Пре и несколько дней провести в сосновом бору с корабельными, высокими и светящимися янтарной корой соснами. Затем вернулись на турбазу, сутки отсыпались в «нормальном» гостиничном номере и снова ушли по Пре, только теперь вниз, по направлению к Оке, в которую полусотней километров ниже и впадала лесная, насыщенная соками торфяников, извилистая речка Пра, воспетая еще Паустовским. Илья хотел, во-первых, показать Владиславе природу родного края: в Рязанской губернии родился отец и жила вся его родня. Во-вторых, побывать на курганах, где недавно начала работать этноархеологическая экспедиция Академии наук во главе с профессором Мухинским, которого Пашин хорошо знал. В-третьих, от родичей он совершенно случайно узнал, что в Брыкином бору тоже есть курган, о котором ходила в народе дурная слава: якобы в этом месте раз в год собираются на шабаш все злые силы, пропадают коровы и собаки и даже люди. Курган пробовали раскапывать, но уже на вторые сутки все археологи дружно заболели – кто гриппом, кто ветрянкой, и от затеи отказались. Естественно, столь необычные события не могли оставить равнодушным знаменитого путеше-

ственника и исследователя Пашина, не один раз обогнувшего Землю кругом и сделавшего немало открытий.

Восемнадцатого июня лодка с двумя гребцами (Владислава любила грести наравне с мужем) пристала к берегу небольшого островка, образованного старицей и новым руслом Пры всего в пяти верстах от древнего славянского городища, сохранившегося с первого века нашей эры. Два дня молодожены провели в компании археологов, раскапывающих городище, а потом снялись и поплыли к Брыкину бору, чтобы найти курган, о котором Илье рассказывал его дальний родич дед Ерема.

Двадцать первого июня они разбили лагерь на правом берегу Пры, недалеко от кордона Старый, выбрав место повыше и посуше, хотя сделать это было трудно. Здесь начиналось знаменитое Бабье болото, труднопроходимое даже зимой. Однако Илья хорошо знал эти места и не боялся мещерских болот, прекрасно разбираясь в их топологии.

Кроме болот, на территории заповедника располагалось множество небольших озер. Вода в них из-за близости торфяников имела своеобразный светло-коричневый цвет. Единственное озеро с совершенно прозрачной водой по природе своей было карстовым и называлось Свято-Лубяницким. Именно возле него и располагался «запретный» курган, известный своим недобрым отношением ко всему живому. А от того места, где поставили палатку Илья и Владислава, до кургана по прямой через лес и болото было всего три с небольшим километра. Пашин намеревался выйти к кургану «с тыла», со стороны болота, изучить подходы к нему, наметить шурфы и вернуться к реке. Основную же экспедицию по изучению заинтересовавшего его объекта Илья собирался организовать в середине июля, когда мещерские болота подсохнут, чтобы легче было перетаскивать необходимое снаряжение.

– Расскажи, почему лес называется Брыкиным бором, – попросила Владислава, замороженная язычками огня.

– В здешних краях прятался в девятнадцатом веке разбойничий атаман Брыкин, – с готовностью ответил Илья, подбросил в костер заранее нарубленных веток. – Грабил мужик проходившие по Оке пароходы, а скрывался в бору. Отсюда и название. Километрах в десяти ниже по течению Пры – если по прямой – стоит поселок с таким же названием. В нем находится центральная усадьба Окского биосферного заповедника. Я там останавливался несколько раз. Это вотчина помещицы Беклемишевой Елизаветы Федоровны, мои деды ей служили в давние времена. Хотя усадьба помещицы располагалась в Лакаше, есть такой поселочек в шести километрах от Брыкина бора, там теперь стоит известная лакашинская больница. Парк там очень красивый.

– Сам видел или рассказывали?

– Я гулял по этому парку. Помещица была женщиной современной и неглупой, даже оранжерею с экзотическими деревьями построила. А вообще она занималась развитием молочного животноводства. В те годы крестьянам жилось при ней вольготно. Пахотной земли у Беклемишевых было сравнительно немного, но поля хорошо удобрялись и давали немалые урожаи. Да и управляющие рассчитывались за работу в тот же день, так что крестьяне охотно работали на полях и в усадьбе. При ней же началось строительство стекольного завода, ставшего потом знаменитым своим зеркальным стеклом. Правда, проработал завод недолго, всего два года.

– Почему? Атаман этот напал, Брыкин?

– Нет, он раньше здесь промышлял. Закрыли завод конкуренты из Екатеринославля. Кстати, утверждают, что атаман Брыкин зарыл где-то на Пре лодку с золотом.

Владислава оторвалась от созерцания костра, с любопытством посмотрела на лицо мужа, освещенное мятущимся пламенем.

– Ты не пробовал искать?

– Были планы, – смущенно признался Илья. – Лодка с золотом мне не помешала бы. Но потом нашлись более интересные маршруты.

– Какие?

– Не поверишь – я увлекся степями Сибири и Приморья.

– Чем же они тебя заинтересовали?

– Ты что-нибудь слышала о чжурчженях?

– Ничего, – покачала головой Владислава. – Кто это?

– Тысячи лет назад империя чжурчженей располагалась на территории Китая, Монголии и Приморского края России вплоть до Северного Ледовитого океана. Ее предшественница – Бохайская цивилизация вообще занимала всю Сибирь до Урала и юг Азии до Индийского океана. От нее почти ничего не осталось, только ровные как стол низины. Природа такие безупречно ровные поверхности создавать не научилась, это дело рук бохайцев и чжурчженей, потомков гиперборейцев, спустившихся по материку с севера, когда их собственный материк затонул.

– Ты хочешь сказать, что степи Сибири и Приморья – искусственные сооружения?

– Не все, только идеально ровные и защищенные горами. Но это такие же мегалитические сооружения древности, как Стоунхендж в Англии, пирамиды Египта и Южной Америки, гигантские статуи острова Пасхи и другие.

– Великая Китайская стена.

– Великих Китайских стены две. Ту, которую знают все, с башнями и дорогой поверху, делали не так давно, как это пытаются доказать китайские историки. Более древняя Китайская стена охраняла Китай от чжурчженей с севера, но она плохо сохранилась. Теперь это в основном длинные извилистые увалы и гребни, напоминающие Змиевы валы в Закарпатье.

Илья снял котелок, заварил чай и разлил ароматно пахнущий напиток по кружкам.

Владислава нырнула в палатку, переделалась и вернулась к костру уже в джинсах, майке и ветровке. Взяла из рук мужа кружку, пряник и села рядом на валежину, прижавшись к нему плечом.

– Ты так много знаешь, прямо ужас! Я тобой горжусь.

– Глупости, – отмахнулся Илья, – я знаю лишь самое необходимое. Вот кто действительно много знает, так это...

– Ученые?

– Ну, в какой-то мере они действительно информированы, хотя все они в большинстве своем узкие специалисты, разбираются лишь в своей области знания. Но есть люди универсального знания, хранители тайн древних цивилизаций.

– Волхвы?

– На Руси волхвы, ведуны, в других странах – держатели Внутреннего Круга человечества.

– А Витязи?

– Витязи – это сотрудники службы безопасности Внутреннего Круга, в некотором роде чекисты, они поддерживают Равновесие Круга и охраняют его порядки. Один из них помог нам тогда, на озере.

Владислава вздрогнула, потрогала висящий на груди амулет в форме девятилучевой звезды – талисман Святого Духа, символ чистоты и непорочности.

– Не вспоминай...

Рад бы, да не могу, хотел было ответить Илья, но сдержался. Обнял жену, успокаивающе провел ладонью по влажным распущенным волосам.

– Да я и не вспоминаю. Вернее, вспоминаю только тех, кого потеряли. До сих пор мучает вопрос, куда делся Евстигней. Не хочется верить, что он погиб, он же волхв, большой сильный человек.

– Может быть, он еще напомнит о себе...

– Дай бог!

Помолчали, прихлебывая чай и глядя на костер.

– Я по Валерии соскучилась, – призналась вдруг Владислава.

– Да и я тоже, – отозвался Илья. – Давно с Громом не беседовал. Интересно, как они там устроились? Вернемся, сразу в гости позовем.

– А телевизор разрешишь смотреть?

Пашин засмеялся. Его юная жена выросла в глухой деревне, куда цивилизация так и не успела заглянуть, и, впервые увидев у мужа в квартире плоский экран «Панасоника», преисполнилась детского восторга и уважения. Телевизор она готова была смотреть с утра до вечера.

– Разве я тебе запрещал это делать? Просто ты должна помнить, что телевидение, да и вообще средства массовой информации не просто сообщают о неких фактах и событиях, но часто так препарируют информацию, что она изменяется до неузнаваемости. Сознание и память зрителя и читателя наполняются ненужными второстепенными знаниями, не дающими ни полноценного счастья, ни ответов на запросы духовного порядка.

– Но ведь ты смотришь телевизор?

– Очень редко. Для меня он не полезный информатор и приятный собеседник, а вампир, питающийся энергией человеческого внимания, интеллекта и эмоций. Он буквально выкачивает умственную и душевную энергию людей, навязывая более низкие энергии и возбуждая звериные инстинкты и эмоции страха, агрессии, секса, вожделения и злобы. Я не рекомендовал бы тебе смотреть все подряд.

– Я не смотрю все подряд, только путешествия и концерты. И моды...

Илья снова засмеялся, чмокнул жену в щеку.

– Смотри, что хочешь, детеныш, я верю, что ты сама отличишь ложь от правды и добро от зла. Ну что, пойдем спать? Поздно уже.

– Я еще хочу посидеть, люблю смотреть на пламя.

– Хорошо, посиди. Я схожу в лес, посмотрю на звезды.

Владислава улыбнулась, устроилась поудобнее: легла животом вниз на плащ-накидку и утвердила подбородок на сжатые кулачки. На огонь она могла смотреть, не мигая и не отрываясь, очень долго, что, как знал Илья, способствовало энергетической подпитке и очищению души.

Он накинул на плечи ветровку – к ночи похолодало – и направился за палатку в лес. Однако далеко заходить не стал. Вдруг показалось, что деревья вокруг доброжелательно смотревшие на человека в мирном оцепенении вечера, буквально *поежились*, и по их ветвям пробежал бестелесный шепоток. Илья замер, прислушиваясь к ставшей настороженной тишине, и метнулся назад, к палатке, где у него лежал зачехленный охотничий карабин «Тайга» двенадцатого калибра. К лагерю с востока, со стороны Бабьего болота, приближались гости, причем гости опасные, судя по реакции леса, с которым Пашин умел разговаривать почти как с человеком.

Его встретила обеспокоенная Владислава, дотронулась до своего амулета на цепочке.

– Свентик *светится*. Ты кого-нибудь не...

Илья прижал палец к губам, подтолкнул жену к палатке.

– Спрячься, возьми ружье и жди.

Владислава, понимавшая мужа с полуслова, послушно скрылась в палатке, зашелестела чехлом, вынимая карабин.

Илья вернулся к костру, сел на валежину, подбросил в огонь веток. Рассредоточив внимание, он перешел в состояние «сторожевой паутины» и – не услышал – почувствовал приближение людей. К лагерю шли трое, очень тихо, не поднимая ни малейшего шума, не насту-

пая на сухие ветки и не шелестя одеждой о кусты. Все трое были абсолютно *закрыты* – Илья не видел их аурного свечения – и очень опасны, особенно тот, что шел последним.

Сама собой сработала защитная система организма, переводя сознание в особое измененное состояние ПАО², состояние предбоевого транса.

Незнакомцы остановились в двадцати шагах от костра, прячась за деревьями.

Илья повернул в их сторону освещенное пламенем костра лицо, сделал приглашающий жест.

– Присоединяйтесь, гости нежданные, погрейтесь у *живого* огонька, чайку испейте.

Некоторое время было тихо, потом зашевелились ветки ольховника и на поляну с палаткой вышли двое, одетые не по-летнему тепло. Один – в плотную серую рубаху и черную безрукавку, в штаны, заправленные в сапоги, плотного сложения, черноволосый и чернобородый. Второй, опиравшийся на суковатый посох, – в длинный черный плащ до пят, напоминающий рясу, с необычным медальоном на груди в форме «недокрученной» свастики. Он был горбат, но высок, с длинной бородой, в которой серебрились седые пряди, и с такими же полуседыми волосами. Судя по сухому лицу, это был глубокий старик. Хотя глаза его сверкали молодо и прятали брезгливо-высокомерную с и л у.

Они подошли к костру, остановились напротив спокойно сидевшего с веточкой в руке Пашина, разглядывая бивуак и его владельца.

– А третий-то что ж не выходит? – простодушно поинтересовался Илья. – Неужели стесняется? Или боится? Один я, чего бояться-то?

Гости переглянулись, однако смолчали, продолжая всматриваться в хозяина лодки и палатки. Не вышел к костру третий визитер, только бесшумно переместился на другое место, огибая открытое пространство, прячась за деревьями. Показалось Илье, что он *слышит* еще одного человека в глубине леса, но в это время горбатый монах заговорил низким голосом:

– Не страшно одному-то в наши времена по диким местам бродить, Илья Константинович?

Гости *знали* Пашина, а это означало, что искали они именно его.

– Не один он, – хриплым басом отозвался чернобородый угрюмый спутник горбуна, производивший странное впечатление ожившего мертвеца. – Баба в палатке прячется.

– Так ведь дикие эти места только для тех, – безмятежно произнес Илья, – кто природу не любит. Для меня они – открытая книга. Да и кого бояться? Лихие люди по лесам да по болотам редко шастают, к тому же против них у меня оружие имеется. А звери – братья мои меньшие, с ними я всегда договориться могу.

Горбатый усмехнулся.

– А ну как врази твоя настигнут? Вряд ли оружие поможет. Даже если ты *посвящен* в Витязи.

Илья остался с виду невозмутимым и спокойным, только «взвел курок» *темна*, готовясь к действию. Он уже понял, кто перед ним: хха – охранники храма Морока, целый год не подававшие о себе весточки. Илья знал, что после боя с охраной и жрецами храма особая команда ФСБ прочесала весь остров Войцы и окрестности озера Нильского³, на берегу которого стоял храм, но ничего не нашла. Храм как сквозь землю провалился, а вместе с ним и его владельцы, служители дьявольского культа Морока. И вот они появились за сотни километров от озера Ильмень, в дремучем лесу, безошибочно определив местонахождение одного из тех, кто украл у них каменную плиту с Ликом Беса – Врата Морока – и нарушил все их планы.

² ПАО – пространство адекватного ответа, в котором мастер боя волен провести любой останавливающий противника прием.

³ Озерцо Нильское соединяется с озером Ильмень протокой.

– Откуда вы знаете о *посвящении*? – тем же индифферентным, обманчиво-простодушным тоном осведомился Илья. – Разве мы встречались с вами... господин колдун?

Брови горбатого старика прыгнули вверх.

– Неужель признал?

– У вас на лбу написано, – усмехнулся Илья. – Да и кто другой может с такой легкостью пройти по здешним болотам?

– Это надо понимать так, что колдунов ты тоже не боишься?

– Боюсь, – признался Пашин. – Хотя точно знаю, что они тоже с м е р т н ы.

Старик нахмурился, сверкнул глазами.

– Зело ты остер на язык, Илья Константинович, как бы это не отразилось на твоём здоровье.

Принахмурился и Пашин.

– Вот что, господа хорошие, или говорите, зачем пожаловали, или убирайтесь подобру-поздорову. Лес велик, везде остановиться можно.

– Не груби, невежа, – покачал головой чернобородый мужик, чей облик стал казаться Илье знакомым. – Мы ведь можем и осерчать.

– Так ведь и я могу рассердиться, – совсем холодно проговорил он, раздумывая, как поступить с гостями, добавил с иронией: – Я тебя сюда не звал, сотник.

Гости снова переглянулись, озадаченные не столько спокойствием Пашина, сколько его осведомленностью.

– Я из него душу вытрясу! – мрачно пообещал чернобородый.

Илья узнал его – это был Потап Лиховский, командир хха и слуга жрицы Пелагеи.

– Сначала пусть ответит на пару вопросов, – медленно проговорил старик, пытаясь взглядом загипнотизировать Пашина. – Скажи-ка нам, молодец, кому Евстигней передал свою последнюю *руновязь*? А тако ж цату, знак волховской власти?

– Это ты у него спроси, колдун, – посоветовал Илья, слыша поплывший в ушах звон; горбатый визитер был очень сильным магом, знал *повеление*, и бороться с ним в пси-поле на равных было невозможно.

Старик взялся рукой за перекладину засветившегося креста-свастики.

– Не тебе ли он завещал свой консуетал⁴?

– Консуетал у каждого свой, – качнул головой Илья, не понимая, почему он продолжает сидеть на бревне, вместо того чтобы встать и отогнать странных гостей. – У вас ко мне все?

– Говори, где этот старый дурень спрятал руновязь и цату? Иначе на всю оставшуюся жизнь сделаешься немым! Ну?!

Илья с невероятным трудом заставил себя подняться на ослабевших ногах.

– Шел бы ты своей дорогой, несвятой отец! Убирайся вон!

Глаза горбуна полыхнули черным огнем. Он поднял посох, направляя острие в грудь Пашину, и в это мгновение из палатки выскочила Владислава с карабином в руках.

– Прекратите сейчас же! Уходите! Я буду стрелять!

Посох повернулся к ней, метнул извилистую зелено-фиолетовую молнию, вонзившуюся в карабин. Девушка вскрикнула, отшатнулась, роняя оружие, и упала на палатку.

Илья кинулся было к ней, потом уловил краем глаза движение горбуна и изменил направление, ныряя на траву и пропуская над собой новый энергетический разряд. И все же справиться с разъяренным его сопротивлением магом он, наверное, не смог бы, если бы не вмешательство другого действующего лица.

Что-то просвистело над плечом Пашина, и в руку горбатого монаха вонзилось льдисто мерцающее лезвие ножа. Старик гортанно вскрикнул, выронил посох.

⁴ *Консуетал* – сфера свободы выбора.

Илья бросился к нему, наткнулся на чернобородого Потапа и вынужден был некоторое время отбивать его вполне профессиональные атаки, пока не поймал его на прием и не бросил противника боковым хватом через бедро прямо в костер. Бывший сотник Пелагеи ошалело подхватился на ноги, начал сбивать искры с бороды и с рубахи на груди, кинулся было на Пашина, и в этот момент раздался гулкий, разорвавший тишину леса на каркающие отголоски выстрел. Пуля попала в другую руку колдуна, дотянувшуюся до посоха, – нож из правой руки он уже успел вытащить, – и старик вторично уронил свое неказистое с виду, но грозное оружие, представляющее собой разрядник черной *силы*.

Костер, разметанный по сторонам телом сотника, почти погас, однако на фоне темно-синего неба шевельнулся человеческий силуэт с карабином в руке, раздался сильный уверенный баритон:

– Мужчина, вы стрельбу-то прекратите!

Горбатый монах вытянул в сторону незнакомца руку, сжатую в кулак. С перстня на указательном пальце сорвалась пронзительно голубая искра, но в человека не попала, с треском пробила полог палатки и погасла. В ответ раздался еще один выстрел – совсем не с того места, где только что стоял неожиданный союзник Пашина. Пуля звучно вошла в ствол сосны за спиной горбуна.

– Не мечи икру, Хрис, – посоветовал тот же голос. – Ты нынче не в форме, пожалей ниргуну, чай, запасов-то мало осталось. Не следовало тебе расходовать юаньшэньши на женщин.

– Кто ты? – прохрипел горбатый монах.

– Витязь, знамо дело, – отозвался незнакомец весело. – Да и не *искри* так сильно *мыслью*, не придет на помощь твой засадник, урезонил я его.

Монах подобрал посох, но стрелять из него не стал, сгорбился, отступил к деревьям.

– Уходим, сотник.

Чернобородый заковылял к нему, оглянулся.

– Я тебя еще навещу, паря, сам цату и руну отдашь. Дружок твой тоже несговорчивый оказался, пришлось его...

– Потап!

Чернобородый умолк и скрылся за кустами лещины. Исчез и колдун. Лишь через полминуты со стороны болота прилетел его свистящий *направленный* шепот:

– Я вас найду, Витязи!

Затем лесом снова овладела тишина.

Илья опомнился, подбежал к лежащей навзничь без движения Владиславе, прижал ухо к груди, с облегчением выдохнул. Девушка была жива, только находилась без сознания. Незнакомец, спасший Пашина и его жену, подошел к ним, положил руку на лоб Владиславы, подержал немного и разогнулся.

– Ничего страшного, скоро очнется. Талисман спас ее, отвел ручей черной *силы*. А тебе, Илья Константинович, следовало бы действовать побыстрей и порешительней. Слуги Морока шутить не любят и появляются не зря. С ними нельзя долго разговаривать – *заморочат*.

– Спасибо, друг, – сказал Илья глухо, чувствуя головокружение. – Кто вы?

– Меня зовут Георгий. И мы уже встречались.

Костер в трех шагах от палатки внезапно выбросил язычок огня, и в этом зыбком прыгающем свете Пашин увидел лицо неожиданного спасителя. Он узнал его: этот молодой с виду, лет тридцати пяти, мужчина помогал им бежать из храма Морока год назад.

Через несколько минут все трое сидели у вновь разведенного костра и беседовали. Владислава пришла в себя, но зябла и сидела закутанная в одеяло, прижимаясь к плечу Ильи. Поначалу и он чувствовал себя неудобно, прислушиваясь к лесной тишине, то и дело пере-

ходя на «внеглазное» зрение, потом заметил веселый огонек в глазах Георгия и расслабился. Колдун по имени Хрис и его свита покинули Брыкин бор, владея, очевидно, легкоступом, и были далеко отсюда.

Выпили по кружке чаю, подсластив его ягодами земляники, которую насобирала днем Владислава.

– Спасибо за помощь, – сказал Илья, погладив вздрагивающие на его локте пальцы жены. – Без вас нам пришлось бы туго. Как говорил один поэт: я думал, нас пришли лечить, а нас приехали мочить.

Георгий усмехнулся.

– Хрисанф постарел и потерял большую часть своей черной с и л ы, но все еще очень опасен. С ним нельзя вести беседу, он владеет *устройством речения*, то есть умением морочить голову и отводить глаза.

– Гипнозом.

– Можно сказать и так.

– Вы за нами следили?

– Зачем? – не понял сотрудник ведической службы безопасности. – Достаточно знать линию ваших намерений, чтобы найти координаты местонахождения. Вам пора научиться блокировать свои мысленные целеустановки. Хрис боялся, что вы посвящены в Витязи и знаете методы маскировки, поэтому шел к вам извилистым путем. Я же шел напрямик.

– Вовремя появились, еще раз спасибо.

– Не за что, обретенник.

– Как-как? Кем вы меня назвали?

– Вы еще не Витязь, Илья Константинович, только ученик или скорее куколка Витязя.

По-старорусски – обретенник.

– Я думал, обо мне забыли... после Ильмена. Ни слова, ни взгляда, ни письма, ни намека.

– Всеу свое время, да и забот у наших копных правил (он сделал ударение на последнем слог) много, не успевают они за всем. Однако времени у меня мало, поэтому перейдем к делу, с вашего разрешения.

Илья покосился на жену.

– Может, поговорим вдвоем?

– Зачем? Она тоже обретенница-ведунья, пусть знает. Нельзя вас отделять друг от друга, такая уж планида на двоих.

– Карма?

– Пусть будет карма, термин не суть важен, главное – внутреннее наполнение. Раньше на Руси говорили – судьбина, реже – юдоль или перст божий. А пришел я к вам вот с каким замыслом. Евстигней Поликарпович в последнее время занимался руноплетением...

– Этот колдун требовал, чтобы я отдал ему некую *руновязь*.

Георгий кивнул.

– Они знают, что существует Руна Света, вызывающая белых богов. А Евстигней нашел к ней ключ. Но никто не знает точно, удалось ему *связать* Руну Света или нет. В связи с этим тебе первое задание.

Георгий перешел на «ты», и Пашин отметил этот факт про себя, хотя возражений на сей счет не имел.

– Надо попытаться найти володарь с Руной.

– Что такое володарь?

– Руны вырезаются либо на деревянной доске, либо на бересте, эта основа и называется володарем. Грамоты и всеясветные книги Евстигнея мы нашли и передали кому следует, а вот володарь – нет. Попробуй теперь ты.

Илья хотел спросить: где же я его найду, не будучи ни родственником волхва, ни посвященным? – но вовремя прикусил язык. Возможно, задание было тестом для инициации посвящения. Его надо было выполнить самостоятельно.

– Что еще?

Георгий понял заминку собеседника, дернул уголком губ.

– Этого вполне достаточно. Но хочу предупредить. В разных районах центрального региона России начали исчезать молоденькие девушки.

Владислава вздрогнула.

Илья успокаивающе прижал ее к себе, пристально взгляделся в смуглое невозмутимое лицо Витязя.

– Вы хотите сказать, что...

– Началась подготовка к *исходу* Морока. Он и так задержался на Земле, породив неисчислимы бедствия, а теперь собрался домой, на отдых. Все его холуи активизировались, в том числе и бывший маг-опорник храма Хрисанф. Они хотят восстановить модуль выхода.

– Врата с Ликом Беса? Но ведь мы их сожгли.

– Модуль действительно можно восстановить. Либо с помощью Руны Света, как ни странно, либо с помощью гекатомбы – глобального жертвоприношения девственниц.

– Вот почему исчезают девушки! Их ловят слуги Морока! Вы знаете, кто этим занимается?

– Пока нет. Есть подозрения, что место Клементьева занял новый Черный Вей, эмиссар Морока. Но кто он, где окопался, точных данных нет. Мы подключили к этой проблеме кое-кого из обретенников, но результата еще не видно. Так вот, Илья Константинович...

– Можно просто Илья.

– В связи с активизацией черных обавников возникает проблема защиты всех, кто год назад нанес ощутимый вред делу з в е р я. То есть Морока. Сегодняшний визит Хриса подтверждает мои предположения. На вас началась самая настоящая охота. Предупредите всех соратников об опасности. Берегитесь *вселений*. Пси-матрица Морока способна внедряться в любой предмет и вселяться в любое живое существо.

– Понятно, – кивнул Илья.

– И мой тебе совет: узришь *обавника* или хха – не вступай с ними в вербальный контакт, бей первым, на уничтожение!

– Понял.

– Разве это обязательно – уничтожать людей? – не выдержала Владислава. – Даже если они бандиты – они все равно люди.

Мужчины переглянулись.

– Люди, которые ставят себя вне рамок человеческого общества, – мягко сказал Георгий, – уже не люди. Задача защиты от них первична, все остальное, включая понимание и профилактику, вторично.

– Все равно меня учили, что никого нельзя убивать.

– Ситуация выбора неизбежна: или бандиты, или невинные люди. В тот момент, когда бандит, конечно же имеющий право на индивидуальную свободу, покушается на свободу или жизнь другого индивидуума, он сразу выходит за грань божественного закона. Мне, например, далеко не все равно, кто останется в живых в результате конфликта: бандит, убийца, террорист или мой друг, жена, брат, сестра, дочь или сын. Однозначно бандит жить не должен!

– Но ведь прежде надо понять причины... – с меньшей уверенностью сказала Владислава.

– Понимание причин агрессивности и целеустановок бандитов не должно означать прощения агрессии. Если мы не будем защищать себя, своих близких, свой род – мы погиб-

нем. К сожалению, у меня нет времени на долгую дискуссию. Возможно, мы еще встретимся и вернемся к этому разговору.

Георгий встал.

Илья поднялся тоже, глядя в глаза гостя.

– Возьми, – протянул ему тот какой-то тускло блеснувший кругляш с тонким муаровым рисунком, напоминающим мандалу.

– Что это?

– Цата, амулет Белобога, символ власти белого волхва. Он принадлежал Евстигнею.

– Значит, Евстигней все-таки... погиб?

Георгий отвернулся, подержал руки над костром.

– Все мы смертны. Волхвы тоже. Хотя он был моим учителем и мне его будет не хватать. Прощай.

– Пойдите, – засуетился Илья, – зачем мне цата, символ власти? Я не волхв и даже не посвященный...

– Посвящение бывает разным, одно из них ты уже прошел. Теперь ты – *предреченник*. Цата защитит тебя, если твои внутренние помыслы отвечают духовной печати Белобога. Я верю, что это так. До встречи, друг. Желаю счастья, милая барышня.

Георгий поклонился и зашагал к лесу, не оглядываясь, исчез в темноте. Илья попытался проследить за его движением, но ничего не услышал. Скорее всего Витязь тоже владел легкоступом и мог перемещаться на большие расстояния мгновенно.

– Что все это значит? – тихо проговорила Владислава, прижавшая кулачки к груди.

Илья посмотрел на тяжелый холодный кругляш из серебристого металла, похожего на серебро, спрятал его в карман ветровки и сказал со вздохом:

– Это значит, милая барышня, что экспедиция к кургану откладывается на неопределенное время. Надо срочно ехать в Москву, искать наших друзей: Грома, Валерию, Серафима, – и предупредить их о новом появлении з в е р я.

– Я... боюсь! – зябко вздрогнула Владислава.

Илья молча обнял жену, понимая, что их спокойная мирная жизнь закончилась.

Глава 8

Прогулки по ВВЦ

Система технических средств по обеспечению оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), открывающая возможность съема служебной и личной информации, передаваемой и принимаемой любым пользователем Интернета, была внедрена в начале две тысячи первого года. Спецслужбы России получили уникальное средство перлюстрации электронной почты и получения данных о конкретных пользователях компьютерной техники. Конечно, существовали юридические ограничения на просмотр передаваемой по сети информации, да и криптографическая защита часто не позволяла желающим подсмотреть частную жизнь интернетчиков и скачать нужную им информацию. Однако для специалистов-электронщиков ФСБ никаких ограничений не существовало, взламывать коды защиты компьютерных сетей они умели не хуже любого хакера-любителя, и если появлялась необходимость оперативной разработки подозреваемого в противоправной деятельности лица, СОРМ включалась независимо от того, есть на это разрешение компетентных органов или нет.

Естественно, получив задание начальника Управления, Ратников подключил к своей группе бригаду компьютерщиков майора Завьялова, и они накрыли колпаком СОРМ Всероссийский выставочный центр.

Всего на территории ВВЦ располагалось шестьдесят восемь павильонов и около тридцати вспомогательных объектов разного уровня сложности и необходимости, но лишь двадцать три из них имели компьютерные центры и были подсоединены к Интернету, в том числе – рабочие кабинеты гендиректора и его заместителей. Внедрившись в эти системы, спецы СОРМ установили круглосуточное дежурство в соответствии с целеполаганием задания, и уже на второй день Ратников получил пакет данных о деятельности всех хозяйственных служб ВВЦ. Однако Терентия интересовали только два человека – сам генеральный и его заместитель Халил Савагов, а также сведения о посещении ВВЦ девушками в возрасте от шестнадцати до двадцати лет. Выяснив места наиболее вероятных скоплений этих в высшей степени приятных «объектов внимания», Ратников сориентировал своих орлов на поиски «странного поведения» мужчин относительно этих объектов и принялся составлять социально-математическую модель происходящих на ВВЦ исчезновений молодых девиц. К субботе к четырем пропавшим на территории Центра девушкам добавилась еще одна, и стало ясно, что случайным стечением обстоятельств здесь не пахнет. На ВВЦ работала какая-то система похищения девушек, не допустившая пока ни одного промаха. Анализируя ситуацию, Ратников нашел лишь одну зацепку: все пропавшие без вести девушки имели один и тот же возраст – восемнадцать лет. Это не намного сужало диапазон информационного поиска, но давало возможность оперативникам сосредоточить внимание на тех «злачных» местах ВВЦ, которые могли заинтересовать только таких юных посетительниц.

Вероятных объектов набралось семнадцать, не считая открытых площадок и торговых рядов и палаток. Среди этих строений ВВЦ оказался и павильон под номером пятьдесят семь, в котором нынешним летом располагался торгово-выставочный комплекс «Европейская мода». Не было ничего удивительного в том, что основную массу посетителей павильона составляли молодые женщины и девушки, в том числе совсем юные – восемнадцатилетние.

Поскольку командовать группой из здания Управления было невозможно, Ратников загнал на ВВЦ, к выводу кругу между пятьдесят шестым и сорок седьмым павильонами машину технического обеспечения и поселился в ней, подключившись к сети оперативной

связи сотрудников, рассредоточившихся по огромной территории Центра. Каждый из них имел спецрацию и слышал переговоры товарищей и указания начальства.

Сидеть в металлической кабине, набитой аппаратурой, в летнюю жару было тяжело, несмотря на кондиционеры и наличие холодных напитков в баре, но Ратников терпел, изредка вылезая из машины (с виду – обыкновенной «Газели» с надписью «Продукты» на борту), чтобы размять мышцы.

В одиннадцать часов, когда он таким образом прогуливался по асфальту вдоль коробки пятьдесят четвертого павильона, рация заговорила голосом лейтенанта Славика:

– Шеф, здесь начинается интересное представление, не хочешь подойти?

– Что и где? – коротко осведомился Терентий.

– В пятьдесят седьмом на втором этаже организовали кастинг. Какая-то капитал-группа «Модус вивенди» собирается снимать телефильм и отбирает девушек. Что характерно: требуются девушки возрастом от восемнадцати до девятнадцати лет.

Ратников размышлял недолго.

– Иду. Ты где?

– Буду у аптеки на первом этаже.

– Где остальные?

– Обижаетесь, командир, на местах, разумеется. Жора в двадцатке, Веня в шестьдесят девятом, там тоже наблюдается концентрация молодежи в связи с выставкой французского парфюма.

– Что-нибудь заметили?

– Пока нет, командир, – в один голос отозвались Жора Пучков и Веня Дорофеев.

Терентий спрятал пенальчик рации в карман (для работы на ВВЦ они были вынуждены взять рации, замаскированные под мобильные телефоны, так как человек с усиком микрофона у губ смотрелся бы в толпе *специфически* – как пастух в стаде) и мимо памятника «Востоку» зашагал к пятьдесят седьмому павильону, одному из самых больших на ВВЦ, где уже третий день проходила выставка-ярмарка европейской моды.

Славик, одетый в джинсы и голубую рубашку с короткими рукавами, с эмблемой КВН на груди, ничем не выделялся из толпы. Впрочем, как и Терентий, одетый во все белое плюс белая жилетка – последний писк моды; этим летом было модно ходить в жилетках без пиджаков, даже вечерами в театры и рестораны.

Они обменялись рукопожатием, с улыбками похлопали друг друга по плечам, будто встретились здесь случайно. Со стороны они выглядели абсолютно обыденно, как и десятки и сотни других встречающихся молодых людей, и только опытный взгляд профессионального наблюдателя отметил бы их скупые движения, цепкие внимательные глаза и *готовность* действовать. Эти двое *работали*, в отличие от праздношатающейся публики.

Через центральный вход прошла группа молодых людей, расталкивая всех желающих попасть в павильон. Они все были одеты в серые костюмы с торчащими из карманов на груди усами антенн и вели себя с броской выразительностью. Это были телохранители какого-то крутого бизнесмена или же депутата Думы, вальяжно шагавшего в окружении своих «шестерок» с видом бога, уставшего от творения очередной вселенной.

Охрана входа пропустила процессию, не спрашивая документов, и Славик сказал с философской индифферентностью:

– Они живут, как хотят. – Подумав, добавил: – А мы живем, как можем.

– Не переживай, – усмехнулся Терентий. – Это типичный кжи.

– Кто? – не понял лейтенант.

– Ты не читал «Час быка» Ефремова? Там у него бандиты и подобные этому надутому индую люди называются кжи – короткоживущие.

– Метко, – согласился Славик. – Ну что, пойдём полюбуемся на цветник фигурок, ножек и сисек?

Ратников покачал головой, оценивая сомнительную остроту, и Славик, заметив его жест, виновато улыбнулся.

– Я без всякой задней мысли.

– Ну естественно, – проворчал Терентий, – мысли у тебя были самые что ни на есть передние.

Они поднялись на второй этаж здания и увидели толпу девушек самых разных возрастов, осаждающую вход в один из отгороженных боксов с плакатом: «Модус вивенди. Кинокомпания Т-34». Ниже висело объявление: «Конкурс на участие в съемках телесериала «Сестра брата».

Ратников и Славик обменялись взглядами.

– По-моему, чистойшей воды лажа, – заметил лейтенант.

– Подойдем поближе.

– Там дежурят Федор и Анна.

– Может, запустим туда Анну?

– Мы уже подумали об этом, но охранник на входе, колоритный такой мужичок в черном, спросил возраст и Анечку не пустил. Да и выглядит она не на восемнадцать.

– Выход из бокса тут же?

– Нет, с другой стороны, сразу на лестницу и на улицу. Там дежурит Вадик.

– Ничего подозрительного не заметили?

– Пока все тихо. Сколько зашло народу, столько же и вышло.

Терентий оглядел шумную толпу девиц и наткнулся на взгляд изумительно красивой шатенки с большими, лучистыми, серыми глазами. Она была в белом шелковом платье чуть выше колен, с размытыми акварельно-цветочными композициями, вызывающими ощущение полета. Платье обтекало тело и подчеркивало достоинства фигуры. На ногах девушки красовались белые босоножки, в руках она держала серебристую сумочку. Лицо у нее было овальное, пунцовые губы исключительно четкого рисунка – сердечком – улыбались. Прямой носик, брови крыльями, широкий лоб и длинные, до талии, волосы. В общем-то, все как у всех. И в то же время облик незнакомки так конкретно выражал вкус Терентия и его понимание слова «красота», что у него оборвалось дыхание и в ушах поплыл звон как от удара по затылку.

– Ты чего, командир? – покосился на него Славик, заметив изменившееся лицо Ратникова.

– Там, у двери, видишь? Принцесса...

– Красивая девочка, согласен. Стройенькая и не без прелестей. Но тут и красивше были.

Незнакомка с серыми глазами заметила красноречивый взгляд Терентия, вопросительно изогнула брови, но тут ее позвали, и она зашла в помещение, где проводился кастинг.

Ратников опомнился.

– Пошли!

– Куда?

– Посмотрим, как она выйдет.

– Зачем? Там же Вадик на стреме, сообщит, если что обнаружит.

– Пошли, я сказал.

Славик посмотрел на потрясенное лицо капитана, понял его состояние и безропотно зашагал следом.

Они вышли из павильона, обогнули здание и остановились на аллее в тени тополей, поглядывая на простенькую белую дверь с крылечком, на которой висела табличка: «Посто-

ронним вход воспрещен». У крылечка скучал милиционер в летнем мундире, поигрывая резиновой дубинкой. Охрана здесь была выставлена не зря, ушлые молодые люди запросто могли просочиться в павильон через служебные входы, будь они не закрыты на замок, чтобы не платить за входной билет.

Чуть поодаль, у шеренги машин маялся Вадик – лейтенант Вадим Шагурин, худой и вихрастый, в застиранных джинсах, похожий на бедного студента.

Мимо проехал милицейский «Форд» с двумя стражами порядка. Вообще на территории ВВЦ в связи с пропажами девушек был введен особый режим несения службы органами внутренних дел, и число мобильных патрулей, контролирующей территорию, увеличилось вчетверо. Но Ратников сомневался, что это даст положительный результат. Таинственные похитители девиц – если только они существовали в действительности и если исчезновения не имели других причин – действовали до сих пор исключительно грамотно.

– Бдят, – кивнул Славик на машину коллег. – Ребятам не позавидуешь. Случись что – навешают всех собак и накажут. Ты слышал о вчерашнем «мокроем» деле?

Ратников кивнул.

В подмосковной Балашихе были жестоко убиты парень и девушка. Парню исполнилось всего девятнадцать лет, он был внуком председателя совета директоров нефтяной компании «Астойл». Его двадцатилетняя подруга была дочерью декана исторического факультета МГУ. За что их убили, было не совсем понятно. Подозревали, что из-за машины: парень ездил на подаренном дедом японском внедорожнике «Акура», – и машина эта исчезла.

– Какой-то жуткий всплеск преступлений с летальным исходом, – продолжал Славик. – Причем режут и стреляют уже не бандиты бандитов, а нормальных людей, честных коммерсантов, артистов и даже издателей. А мы все обсуждаем – отменять мораторий на смертную казнь или нет. Конечно, отменять! Убийцы должны знать, что ответ будет адекватен – секир башка!

Ратников промолчал. Он имел примерно такое же мнение, но думал в этот момент о другом.

Дверь открылась, пропустила двух девушек. Одна казалась довольной и веселой, другая имела убитый горем вид.

– Одной повезло, – с улыбкой кивнул на них Славик.

Ратников снова промолчал, с нетерпением ожидая появления сероглазой красавицы, запавшей в душу. Однако он был на работе и продолжал автоматически сканировать пространство вокруг сферой служебного внимания. Он и заметил первым некое *движение* в пределах зоны видимости, сосредоточенное на той же самой двери с лениво прохаживающимся вдоль крылечка стражем порядка.

Движение представляло собой, во-первых, появившийся и тихо подкативший к шеренге автомашин минивэн «Мицубиси» темно-вишневого цвета, с темными стеклами, во-вторых, двух мужчин в черном, жующих бутерброды и запивающих еду минералкой, не спускающих с двери глаз. Наконец, эти два разнородных, казалось бы, явления соединились: один мужчина, молодой, с усиками и гривой черных волос, подошел к минивэну, задержался на мгновение у опустившегося стекла со стороны водителя и вернулся к напарнику.

У Ратникова сработало чутье на *событие*, и он тихо сказал, почти не шевеля губами:

– Внимание всем! Вижу фигурантов!

– Двое у поворота? – тотчас же откликнулся Славик; он тоже следил за обстановкой и бдительности не терял, несмотря на внешне беззаботный вид.

– Плюс микроавтобус «Мицубиси» вишневого цвета.

– Вижу, мне он тоже показался подозрительным. Ты думаешь?..

– Разошлись. Ты с Вадиком берешь на себя микроавтобус, я этих чернорубашечников. Надо же, в такую жару вырядиться в черные штаны и рубахи с длинными рукавами!

– Я пошел.

Славик, широко улыбаясь, стукнул Терентия по плечу и зашагал к Вадику, который слышал все, о чем говорил командир группы.

Терентий неторопливо двинулся в другую сторону, к перекрестку, вглядываясь в заросли кустарника и стараясь не выпустить из поля зрения двух клиентов в черном. И в это время отворилась дверь и на крылечке появилась давешняя сероглазая незнакомка с изящной серебристой сумочкой через плечо. На лице у нее лежала печать задумчивости и легкого беспокойства, будто она получила какое-то безрадостное предложение. Хотя, по мнению Ратникова, устроители кастинга не могли не обратить внимания на такую красавицу и должны были пригласить ее сыграть в фильме главную роль.

Девушка кинула взгляд на милиционера, у которого вдруг сработал мобильник, направилась мимо шеренги автомашин к асфальтовой дорожке, ведущей к соседнему павильону под номером шестьдесят, где располагалось хозяйство потребкооперации. Милиционер в это время поднес к уху телефон, сказал: сейчас проверю, – и скрылся за дверью.

Терентий быстро передвинулся к перекрестку аллеи и *приготовился*, нагибаясь и делая вид, что завязывает шнурки на штиблетах.

Интуиция его не подвела.

Сероглазая обогнула стоявшие впритык машины, сделала еще несколько шагов, поравнялась с темно-вишневым микроавтобусом, и произошло то, чего подспудно ожидал Терентий. Случайно или нет, но он странным образом оказался в самом эпицентре похищения, разработанного скорее всего слишком торопливо, без учета последствий, так как похитители не имели права начинать операцию в столь густонаселенном месте, чреватом внезапными свидетелями. Возможно, они надеялись на скорость проведения операции, а возможно, их начальнику так понравилась претендентка на роль в фильме, что он решил рискнуть и не стал ждать более благоприятного случая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.